ИРИНА СМИРНОВА

16+

ХИМЕРА УБОЙНОГО ОТДЕЛА

Ирина Смирнова

Химера убойного отдела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67838243
SelfPub; 2023

Аннотация

Даже глава убойного отдела может быть подвержена предрассудкам, как самый обычный оборотень. Например, испытывать неприязнь к химерам – ущербным плодам страсти. Но очередное расследование подкидывает такой «плод» прямо мне под ноги, а сильные женщины всегда в ответе за тех, кого они спасли.

Ирина Смирнова
Химера убойного отдела

Глава 1. Дело о бойкой старушке, день первый

– Твою ж мать… Как ты умудрился?! – у меня просто не было слов, одни буквы, и все матерные. – Тебе было поручено следить за хромой старушкой! И ты ее упустил?

Если бы взгляд мог убивать, то от несчастного придурка остался бы лишь пепел. Но, к сожалению, максимум, что я могла с ним сделать, – лишить премии. А так как ошивается он здесь не ради денег, то мое наказание просвистит мимо Эдика с песнями и плясками веселых какаду.

– Хочешь, я его побью? – с сочувствием поинтересовался Алекс. – И тебе будет приятно, и мне в удовольствие.

Зеленые глаза из-под светлой до белизны кудрявой челки уставились на меня с надеждой. Вылитый котик из детского мультфильма, даже голос томно-мурлыкающий, как и положено порядочному оборотню из семейства кошачьих.

Вот Алекс прекрасно умеет следить за подозреваемыми. А Эдик – избалованный маменькин сыночек, позор семьи, попавший в отдел не по призванию, как остальные, а по жесткому настоянию отца. Причем ни сам «мамин котеночек», ни его новые коллеги, особенно начальство, то есть я, от этого не в восторге.

– Он же даже сдачи тебе дать не сможет, – отмахнулась

я от заманчивого предложения Алекса. – Побежит маме жаловаться…

– Маме жаловаться я не побегу! – обиженно процедил Эдик. – Я три года карате занимался…

– Ага-ага, – покивала я. – Лучше бы ты по сторонам смотреть учился. Упустить бабку!

– Да она рванула пулей, – возмущенно выдал этот слепой крот. – Шла себе спокойно по тротуару и вдруг схватила клюку под мышку и помчалась, словно за ней свора собак гонится.

– Угу… а ты, без клюки, догнать ее не смог, верно? – ехидно поинтересовалась Изильда.

Обычно она в наши перепалки не влезает, но тут и ее, похоже, задело за живое.

– Конечно. Там же толпа народа, все под ноги лезут… Она-то их клюкой, а я…

– А ты должен был вытащить значок и орать: «Пропустите, полиция!» – Вот на кошачьей мяте не гадай, значка у нашей блатной нагрузки при себе не было. Или был, но где-то в заднице, как обычно.

– Да плевать там все хотели… – лениво огрызнувшись, Эдик вспомнил, что он обиженный и оскорбленный, и отвернулся к окну.

– Кстати, а что вокруг происходило, когда бабка рванула? Кто-то мимо нее прошел? Проехал? Из окна выглянул? – Я покрутила в руках отчет о выполненном, вернее, невыпол-

ненном задании. Три абзаца, из которых следовало, что во всем виновата бабка и граждане нашего города, мешающие следователю Эдуарду Ройшену вести преследование. Сам же гаденыш ни в чем не виноват.

– Я же за бабкой следил! – с искренним возмущением выпалил придурок.

Работничек, на мою голову! За что мне это счастье в отделе? За какие грехи?!

– Аэробус мимо проезжал, – с явным напрягом вспомнил Эдик. – Я даже подумал, что она на остановку помчалась, но потом передумал. Он без номеров был, желто-красный.

Я озабоченно нахмурилась и переглянулась с резко посерьезневшим Алексом.

Веселенькие желто-красные аэробусы принадлежали храму обезьян. И по нашей кошачьей территории они катались настолько редко, что наше блатное наказание, далекое от реальной жизни, приняло его за обычный общественный транспорт.

Оборотни старались жить более-менее отдельно, почти так же, как наши совсем одичавшие предки. Мартышки здраво опасались нас, а мы недолюбливали их.

И у меня не было никаких разумных предположений о том, что делал в нашем городе аэробус из храма. И непонятно, зачем старая больная женщина рванула за ним вслед.

– Совпадение? – задумчиво вопросила я у мироздания. Ответа не последовало.

Только Изильда выжидающе посмотрела на меня, а потом, с осуждающим укором, на Эдика.

– Надо проверить. – Я встала из-за стола и подождала, пока Алекс допишет что-то в ноутбуке и захлопнет его. – Будь на связи, – попросила я Изи, тоже собравшуюся отправиться с нами. – Может понадобиться переговорить с начальством или выяснить что-нибудь через служебную сеть.

Девушка, вздохнув, едва заметно надула губы. Алекс тут же на них отвлекся, облизнув при этом свои. Пришлось незаметно ущипнуть его за задницу.

– В рабочее время думай только о работе! – прошептала я на ухо этому зеленоглазому ловеласу.

– Ладно, с чего начнем?

Оборачиваться в центре города имели право лишь те, у кого вторая ипостась не превышала разрешенные законом размеры. Например, Эдик вполне мог обернуться и спокойно преследовать старушку. Конечно, серебристый голубоглазый вислоухий кот привлек бы к себе ненужное внимание, но зато задание бы не провалил, придурок!

А вот Алексу пришлось терпеть в аэромобиле минут десять и только потом выпрыгнуть из него, приземляясь на четыре лапы. Серебристо-снежный барс глубоко вдохнул свежий воздух и замер, ожидая команды.

Вычислить, где остановился желто-красный аэробус, оказалось совсем не трудно, пусть мы и не знали его номера. Не так уж часто по городу проезжают такие яркие цветастые

машины. Конечно, пришлось задействовать дорожников, но зато всего десять минут – и мы у цели.

Это был еще не пригород, но уже и не центр. Малоэтажные домики, аккуратные чистые дворики, площадки для детей в человеческой ипостаси и большой парк для любителей порезвиться в облике животных. Милота, в общем.

Аэробус был припаркован у последнего, четвертого, подъезда трехэтажного дома. В машине был лишь водитель, пожилой мужчина. У меня далеко не всегда получалось определять вид, когда оборотень находится в человеческой ипостаси, но этот точно был обезьяной.

Странно…

Алекс направился в дом, а я постучалась в дверь аэробуса, приложив к стеклу свое удостоверение. Водитель заметно напрягся, но впустил меня внутрь.

Правда, проку от наших переговоров не оказалось.

– Ничего не знаю. Начальство велело сюда привезти, я и привез. Законом не запрещено!

Законом, естественно, запрещено не было. Но противоречило здравому смыслу и логике.

Если это тайное посещение, проще было приехать на обычной машине. А если официальное, то что здесь забыли обезьяньи храмовники?

От нехорошего предчувствия внутри засвербело, так что я даже вздрогнула, когда зазвонил мобильный.

– Марта, давай скорее сюда. Второй этаж, третья кварти-

ра. Быстро.

Голос Алекса звучал непривычно взволнованно, так что я, обернувшись, в несколько прыжков достигла цели. Дверь в квартиру была распахнута, и в нос мне ударил сладковато-пряный аромат крови. Смертью еще не пахло, так что все произошло совсем недавно, буквально только что.

Первой, кого я увидела, была та самая старушка, за которой не уследил Эдик. Она подозревалась в мелких магазинных кражах, несколько раз задерживалась и отпускалась, обычно из жалости. Бабушка вела себя как сорока, хотя по документам являлась львицей. Она тырила мелкие блестящие побрякушки, причем самые дешевые, как будто выбирала. И развлекалась так по всему городу, от ювелирного к ювелирному.

Уж не помню, кто первый заметил странную закономерность, по-моему Изильда, но буквально через пару недель некоторые из этих ювелирных обчистили уже по-крупному. Охотой за тройкой грабителей-везунчиков занимался соседний отдел, а мы просто поддерживали их, как могли. Пока во время расследования очередного ограбления ребята не нашли труп сыночка одного из высокопоставленных чинуш. А это уже наша проблема. Мы убойный отдел, специально для работы с такими вот «клиентами». И первым делом я вспомнила про бабку…

Сейчас она сидела на полу, облокотившись о стену, прямо как живая, вот только грудь у нее была аккуратно вспорота

длинным когтем. Очень длинным толстым когтем. Не кошачьим…

Дальше по коридору валялось еще три тела. Обезьяны. Храмовники в белых костюмах и с чалмами на головах. Этих убили из пистолета с глушителем, всех троих почти одновременно.

Алекс ждал меня в комнате, уже обернувшись человеком.

– Мы по уши в дерьме, – сообщил он, словно я сама не догадалась после прогулки по квартире.

Но когда я заметила прикованного к батарее парня, то поняла, что все увиденное ранее – кончик хвоста. А вот теперь мы добрались до его начала. То есть, грубо говоря, мы в заднице.

Глава 2. Лишний пассажир

Ненавижу расследовать похищения! Хорошо, что тут сразу нашлась хотя бы жертва и не надо сидеть и нервничать, зная, что малейшая ошибка приведет к смерти похищенного.

Парень был без сознания, но я сразу ощутила видовое притяжение. Он был лев, только какой-то странный.

Мы с Алексом быстро провернули уже отработанную схему. Я созвонилась с начальством, отчиталась и перечислила, кто нам может потребоваться. Скорая, эксперты по традиционному оружию и профи по ранам, нанесенным оборотнями. А потом помчалась оказывать поддержку по захвату водителя.

Но, выпрыгнув из подъезда, увидела, что Алекс прекрасно

справился без меня. Вроде бы искренне растерянный и напуганный, обезьян, в сопровождении моего напарника, выходил из аэробуса. Так что, развернувшись, я направилась обратно, негромко порыкивая, чтобы отвести душу. Заодно отпугнула своим видом слишком любопытного соседа, высунувшегося посмотреть, что тут происходит.

Опросом свидетелей будет заниматься районный отдел полиции, а мы – читать отчеты и делать выводы. Ну и потом уже решать, кого захотим посетить сами, а кого вызвать и допросить у нас.

Большая часть нашей работы – умственная. Появиться в начале заварушки, свалить всю рутину на обычных полицейских, разобраться во всем и снять сливки, раскрыв дело.

Слежку за старушкой можно было тоже доверить полиции, но я решила, что Эдику не помешает набраться опыта. Что ж, и мне, похоже, опыт не помешает. Больше никогда ничего не поручу этому придурку! Даже ящики с уликами таскать… Вдруг рассыпет по дороге?!

Нет, от Эдика надо было избавляться, заменив на нормального следователя с хорошим потенциалом. В конце концов, объясню его отцу, что в убойном опасно, стреляют, однако. Вдруг поможет?

Я вернулась в комнату и присела на корточки рядом с парнем, так пока и валяющимся без сознания. Сняла с него наручники и проверила пульс по запястью, потом положила пальцы к шее…

Странный лев, очень странный. Бабулька тоже была львицей, с сорочьими замашками. А вот к какому месту тут храмовники-обезьяны? Кстати, грабителей, обчищающих магазины следом за старушкой, тоже было трое… И их зверей никто не мог определить, они опрыскивались специальным средством, уничтожающим запахи. Тут трое – и там трое. Совпадение?

Но тут парень широко распахнул глаза, и я тихо ойкнула…

Страсть, волнение, боль, затуманенность сознания от сотрясения или наркотиков часто могли вызывать легкий частичный оборот. Я бы не удивилась когтям на пальцах или изменению формы ушей. Меня бы не смутил вертикальный зрачок, проявляющийся у всех оборотней кошачьего семейства, независимо от размеров их звериной ипостаси. Потому что парень явно еще не совсем пришел в себя.

Но я как загипнотизированная уставилась на ярко-желтую круглую радужку с тонкой черной окантовкой. Птичий глаз. Птичий, чтоб мне мышью подавиться!

Смесок? Межвидовые браки были нормой, а вот межродовые… Нет, законом они не запрещались, но детей от таких браков старались растить дома. Да и потом счастливой их жизнь назвать было бы трудно. В народе их звали выродками страсти, уродами, мутантами, отбросами… А официально их называли химерами.

Лев и птица. Надеюсь, что кто-то из ястребиных, а не ин-

дюк или какаду! У гибридов львов и орлов есть даже собственное название – грифоны.

– Кто ты…

– Что я здесь делаю?! – парень опередил меня со своим вопросом на доли секунды. А потом принялся изучать меня, наморщив лоб, словно пытаясь вспомнить что-то очень важное. – Ты… львица?

– Меня зовут Марта Хеймсен. Я из государственного бюро расследования, ФБР. Отдел по расследованию убийств. Расскажите мне последнее, что вы помните.

Притихший у меня за спиной Алекс лишь ехидно хмыкнул, но промолчал. Все знали, что общение с потерпевшими я ненавидела даже больше разговора со свидетелями. Моя бы воля, вообще бы не выезжала из офиса.

Но обследовать место преступления я предпочитала самостоятельно, чтобы точно ничего не упустить. И поэтому иногда меня поджидали вот такие вот внезапные сюрпризы типа подобной беседы.

– Я… – Тут парень заметил трупы храмовников, резко подскочил, пошатнулся и чуть не упал обратно на пол. Пришлось придержать его, ухватив рукой за плечо.

– Они… мертвы? – В его голосе прозвучали нотки удовлетворенного злорадства, так что, естественно, я насторожилась.

Но удивился он абсолютно искренне. Правда, я его и не подозревала. Трудно за пять-десять минут успеть перестре-

лять троих мужчин из пистолета, потом пристегнуться к батарее и вырубиться.

– Да, убиты, – сообщила я с серьезным лицом очевидную истину. В конце концов, парень пережил стресс, так что вправе вести себя немного странно.

– Это они привезли меня сюда. – В глазах, плавно меняющих цвет с ослепляюще-янтарного на серовато-желтый, сверкнула ненависть. Но потом, еще раз внимательно оглядевшись, парень заволновался. Однако объяснять ничего не стал, тряхнул головой, опять покачнулся и присел на подоконник.

– Я – орлогриф, – сообщил он, в упор глядя на меня. Наверное, чтобы проверить реакцию.

Точно! У грифонов есть разделение на подвиды. Орлогрифы и львогрифы. Все зависит от головы. У орлогрифов она орлиная. Но грудь, крылья и передние лапы у всех грифонов обычно птичьи, а хвост, задние лапы и вся задняя часть тела львиные. Независимо от подвида. Правда, иногда бывает наоборот: передняя часть туловища звериная, а задняя – орлиная.

Птичья голова на львином теле… отвратительное уродство! Но я попыталась вести себя как профессионал и даже не вздрогнула. Вроде бы не вздрогнула.

– Меня зовут Брендон Греймсен.

А вот теперь я вздрогнула. Потому что Греймсены – это моя родня по материнской линии. И ни о каких порочащих

связях, да еще и с приплодом в виде половозрелой химеры лет двадцати – двадцати пяти, я слыхом не слыхивала. Конечно, может быть, это кто-то из совсем дальних родственников? Мало ли Греймсенов по всему миру?! Фелиния – не единственная страна, в которой живут кошкообразные оборотни. Опять же, мигрантов никто не отменял…

У нас здесь кого только не встретишь: и псовые, и птичьи, и обезьяны себе маленький городок отвоевали в пригороде. Храм вот возвели и грифонов в аэробусах катают… Твари!

Внезапно во мне проснулось что-то типа родственного инстинкта. В конце концов, этот парень был наполовину львом, а обезьяны – шумными вороватыми бестолочами.

Поэтому, нарушая все свои принципы, я оставила Брендона в комнате и направилась на кухню. Там уже шел вовсю допрос водителя обезьяньего аэробуса.

И развивался он по схеме: «Ничего не видел, ничего не слышал, никому ничего не скажу».

– Сколько пассажиров было в вашем аэробусе? – предварительно переглянувшись с полицейским, сурово поинтересовалась я у скрытного обезьяна. И ведь так естественно прикидывается ничего не знающим туповатым исполнителем!

– Трое. – Мужчина уверенно начал перечислять имена, но тут в дверях кухни появился Брендон, и обезьян возмущенно рыкнул: – А ты что здесь делаешь, урод?!

Мы все на секунду застыли, так резко с храмовника слиняла маска туповатого водилы. Но я тут же пришла в себя

и повторила:

– Так сколько пассажиров было в аэробусе?!

Глава 3. Бунт собственности

– Пассажиров было трое, – огрызнулся мужчина, глядя при этом на Брендона так, словно надеялся его испепелить. – Химера – собственность храма. Груз.

– Ага, – я покосилась на этот самый груз, излучающий мстительное удовольствие, – а когда у нас в стране узаконили рабство?

– Он не раб, а собственность. Как кентавры, – презрительно буркнул обезьян. – Животное.

– Ага, – кивнула я и теперь уже переглянулась с полицейским. Тот состроил большие глаза и пожал плечами. Я вот тоже никогда раньше не слышала, что кентавры и грифоны – животные. – Русалок вы, случаем, у себя в храме не разводите?

Вообще-то я была уверена, что пошутила. Но в этот момент я в упор смотрела на допрашиваемого и заметила, как дернулась жилка у него под глазом. Полицейский тоже это увидел, потому что лицо у него стало суровым, а взгляд – жестким.

Кошки любых размеров не любят ограничения свободы. Да и обезьян мы все недолюбливаем.

– Весело тут у вас, – пошутил стоящий за моей спиной Алекс. – А так все невинно начиналось.

– Да уж. – Я вышла из кухни, потянув за собой храмо-

вую собственность. – Рассказывай, как тебя угораздило сравняться с животным.

В итоге, соединив сведения, полученные в результате допроса водителя и разговора с Брендоном, мы выяснили довольно интересную вещь.

Прямо у нас под носом, в столичном пригороде, предприимчивые обезьянки организовали так называемый приют для детей-химер. Они подбирали их на улицах или выкупали у родителей. Редкие экземпляры не гнушались и похищать, правда, храмовник это отрицал, но я больше верила Брендону.

Главное, водитель упорно отказывался признавать, что их приют незаконен. По верованию обезьян, химеры уже не являлись неприкосновенными творениями божественной природы, а были порождением греха. И следовательно, их надо было или уничтожить, или взять под опеку, как животных. Так что они в своем храме делали доброе дело, заботясь о несчастных. Тот факт, что многие из химер уже считаются отдельным узаконенным видом, способным самостоятельно размножаться, то есть признанным природой, мужчину не смущало.

– Нам нужен ордер! Срочно, пока они там не запаниковали и не перебили всю свою «собственность». – После таких новостей было довольно трудно спокойно объяснять начальству, что нам надо ворваться в храм как можно скорее. Причем с документом, дающим право сунуть свой нос во все по-

тайные места, показавшиеся нам подозрительными.

Да, я не в восторге от химер. И возможно, если бы мы познакомились с Брендоном в школе, я бы оказалась одной из тех, кто травил его… Возможно. В детстве я была еще той стервой!

Но детская травля – это одно, а превращение разумных оборотней в бесправный скот – совсем иное.

– Что значит «мало улик»?! Какой представитель? Хорошо, присылайте вашего представителя, там действительно могут быть несовершеннолетние. Главное – быстрее!

Выдохнув после разговора с начальником, я попросила полицейского доставить задержанного к нам в бюро, а сама, вместе с Алексом и Брендоном, отправилась к машине. Представитель Центра профилактики безнадзорности среди несовершеннолетних должен был ждать нас уже там, вместе с Изильдой.

Автопилот пришлось вырубить сразу, потому что я собиралась мчаться с сиреной, максимально игнорируя правила. Поэтому мы долетели до храма буквально за десять минут, молчаливые, напряженные и взвинченные до предела.

Даже представлять не хочу, что сейчас чувствует Брендон. На мой вполне логичный вопрос, почему, мышь ему поперек глотки, он не сбежал из этого храма, а маялся в нем до двадцати с лишним лет, парень лишь буркнул, что я все пойму сама. Объяснять долго.

Правда, во взгляде у него при этом четко светился другой

ответ, типа «тебе не дано». И это при том, что я тут пытаюсь спасти и его, и остальных жертв борцов с плодами греховной страсти.

Вместо Изильды неподалеку от храма нас поджидал Эдик.

– Вот, – протянул он мне дрожащей рукой бумагу с печатью прокурора. Ордер на обыск. – Отец велел мне присмотреть, чтобы политических проблем не возникло. Все-таки храм, да еще другого рода, пресса может из этого мощный скандал сделать.

– Скандал я сама смогу сделать. Мощнейший, – пообещала я, едва заметно кивнув хрупкой пожилой даме, вышедшей из машины вместе с Эдиком.

– Ты, главное, не слопай половину служителей, – хмыкнул Алекс, быстро шагая рядом со мной к храму. – А то у тебя взгляд уж очень хищный.

– Да, время обедать, – с усмешкой мурлыкнула я и оскалилась, имитируя дружелюбную улыбку выбежавшему нам навстречу храмовнику. – А мы к вам. Полюбоваться на ваши конюшни с кентаврами и бассейны с русалками. Сразу покажете или в «горячо-холодно» поиграем?

Мужчина нахмурился и завертел головой в поисках поддержки, но тут наткнулся взглядом на прячущегося за нашими спинами Брендона. Я специально велела ему прикидываться тенью до последнего, чтобы быть контрольным укусом в шею. И ведь сработало!

Обезьян побелел под цвет своей одежды, сообразив, что

выиграем мы довольно быстро. И побежал, шустро так, подхватив полы своей хламиды, словно мы за ним гнались.

Вот только гоняться за всеми служителями храма мы не собирались, это не наша забота. Мы – убойный отдел и обыск проводим из-за трех трупов, а всякая незаконная рабовладельческая деятельность совсем не наша юрисдикция. Вот если сейчас найдем несовершеннолетних, права которых ущемляют, тогда дама из Центра активируется. И группа захвата загорает под весенним солнышком неподалеку, чтобы сразу выскочить и всех тут повязать.

А мы? Мы просто так, мимо проходили.

Правда, проходить мимо я собиралась шумно, с душой, открывая двери с ноги. Алекс с Эдиком рванули к русалкам, а мы с Брендоном – в конюшни.

Лошадей в храме было много, конюшен тоже. Целых три. Но кентавров держали в четвертой, которую я в одиночку ни за что не нашла бы. Она была отгорожена от третьей свалкой сена, и, не знай, где потайная дверь, можно было бы поверить, что дальше так сено и валяется. А на самом деле там пряталось четыре стойла с кентаврами. Три мальчика и одна девочка. Все, как на подбор, несовершеннолетние.

– А взрослых нет? – уточнила я у Брендона, пока дама из Центра охала и ахала над «бедными малютками», а группа захвата, ворвавшись через ворота, быстро оцепляла все здания.

Бегающих вокруг храмовников я старательно не замеча-

ла с самого начала нашей экскурсии. Игнорировала попытки кого-то из главных по храму обратить на себя внимание и помешать нам прогуливаться там, где хочется. И толкающихся вокруг конюхов, мрачно обещающих нам небесные кары и природные катаклизмы, тоже воспринимала как фон, агрессивный немного и нерегулируемый по громкости.

После того как мы добрались до кентавров и на территорию храма ворвалась толпа полицейских, всем стало резко не до нас.

– Взрослых держат в другом месте. – Брендон, не скрываясь, наслаждался зрелищем массового погрома. Любовался, стараясь ничего не пропустить, даже не глядя в мою сторону. – Нас мало. Только те, кто задолжал храму и подписал их документы. Остальных якобы выпускают, но я предпочел остаться. – Парень наконец-то повернулся ко мне. Его глаза снова были птичьими, вот только мне, львице, стало неуютно от этого взгляда. – Мне кажется, они отпускают сразу в новую жизнь, минуя эту. Зато после подписания документов можно получить среднее образование. Высшего, правда, химерам не положено…

Глава 4. Когтистый подопечный

Изъять у храма несовершеннолетних химер удалось без проблем. Центр забрал их всех, более тридцати оборотней. И кентавров, и русалок, и еще много других ребят, находящихся в человеческой ипостаси, поэтому их вид, вернее смесь видов, осталась для меня загадкой.

А вот со взрослыми возникла юридическая трудность. Как раз из-за документов. Долговые расписки были на такие суммы, что у всех организаций, попытавшихся прославиться как спасители и сделать себе на этом рекламу, при виде нуликов на конце начиналась паника. Но мы не теряли надежду. Ведь шли только первые сутки акции «химеры по штуке в одни юридические руки», и что будет через неделю – неизвестно.

Брендона мы после разгрома храма гордо привезли в офис, оформив как «проходящего по делу о массовом убийстве». До окончания рабочего дня он просидел у нас в отделе, на диванчике. Его даже осмотрел врач, прямо у нас, эдак ненавязчиво.

Стол Изильды располагался так, что ей самой волей-неволей пришлось наблюдать за осмотром, а я заметила врача, только когда он произнес:

– Можете одеваться, молодой человек. Вы в полном порядке.

Вот тут я оторвалась от документов и с интересом изучила нашего спасенного, а потом снова уткнулась в бумаги.

Брендон был обычным симпатичным парнем, повыше меня ростом, худощавым и мускулистым. Я, едва его увидев, поняла, что он очень сильный, причем не из-за частого посещения тренажерного зала. Руки у него были жилистые, и мышцы не раскачанные, но четко проступающие под кожей, как на рисунке в анатомическом атласе.

Ну и теперь я оценила, что у него имелся впалый живот с заметными кубиками пресса. И… хм… Ну, в конце концов, кошка я или кто? Так что на грудь я тоже полюбовалась, пока Брендон рубашку застегивал.

Ничего особо выдающегося. Главное – не волосатая, а то у многих парней с этим большие проблемы, которые они пытаются выдать за достоинство. Кстати, и достоинство у них обычно тоже прячется в зарослях, чтобы было не найти, пока не воспрянет.

Следующие пару минут вместо того, чтобы оформлять документы, я пялилась в бумаги и обдумывала, есть ли волосы у Брендона ниже пупка или нет. Прямо хоть у Изильды спрашивай…

А вообще, пора снова постоянного парня заводить, а то докатилась – на хим… на свидетелей по делу об убийстве готова наброситься.

Ну а потом, когда рабочий день подошел к концу, выяснилось, что оформить Брендона как заключенного мы не можем, он ведь не преступник. Так что камеры предварительного заключения в качестве номера на ночь отпадают. Отпустить его шляться по городу мы тоже не имеем права, так как он принадлежит храму, вернее является его вековым должником, и эти гады нас засудят, если Брендон сбежит.

Эдику его доверить нельзя, у Алекса в доме толпа народа – родители и три сестры, так что постороннего парня туда вести опасно. А у Изильды маленькая комнатушка, в кото-

рую она сама с трудом помещается.

В итоге я как-то неожиданно оказалась крайней.

– Что ж, пойдем! – Со вздохом смирившись с неизбежным, я вышла из здания бюро и направилась к своей машине. Брендон шагал рядом, расслабленно невозмутимый до отвращения. Он и на диване сидел, чуть расставив ноги и откинувшись на спинку, вальяжно независимый, а потом вообще улегся и вроде бы даже задремал.

– Как ты думаешь, зачем они тебя притащили в квартиру?

Я этим вопросом в течение дня изредка задавалась, но никак не могла найти хоть какой-то вразумительный ответ. Главное, квартира, в которой произошло массовое убийство, на данный момент была бесхозная. Компания, которой принадлежал дом, обычно сдавала ее в аренду. Вот только прежние владельцы выехали, а новые еще не заехали.

Естественно, первым делом мы начали искать связь с бабулькой. Все же она львица, Брендон – грифон, так что вполне могли быть родственниками, например. Вот только копаться мы могли лишь в генеалогическом древе старушки. Документы химер хранились в храме, и, хотя мы отправили запрос еще днем, никто нам ничего не принес. Так что завтра утром придется ехать разбираться, причем мне, так как Брендон – наша головная боль и полицейские за него не отвечают.

– Не знаю, меня одурманили еще перед тем, как погрузить в аэробус. Я отключился в самом начале пути и очнулся, уже

когда надо мной зависала ты.

– Странно. Очень странное дело, – констатировала я, усаживаясь за руль. – Может, все же запереть тебя в камере, как ты думаешь?

Да, шутка вышла бестактная, но на меня внезапно накатили сомнения, правильно ли я поступаю, забирая домой абсолютно неизвестного и очень подозрительного парня.

Брендон недовольно посмотрел на меня исподлобья, я кривовато улыбнулась:

– Ладно, поздно уже, тебя признали невиновным. Так что сейчас завалим ко мне, закажем суши, посмотрим какое-нибудь кино и разбредемся по разным комнатам. Ты любишь суши?

– Издеваешься? – Парень продолжал хмуро сверлить меня взглядом. – Я только на картинке их видел, когда нам рассказывали о Некосии.

– Прости. – Мышей мне полный рот, исправила ситуацию, называется. – Теперь попробуешь. Готовить я не очень люблю, тем более с моим графиком проще питаться в кафешках. А что ты делал в храме?

Нет, ну просто сидеть и молчать, пока мы полчаса добираемся ко мне домой, я не готова. О еде поговорить не вышло, о фильмах, подозреваю, тоже не получится. Значит, надо искать другую тему для разговора, может быть не очень приятную, но вдруг меня озарит и я пойму, зачем обезьяны притащили его в ту квартиру.

– По праздникам вместе с еще двумя мальчишками таскал колесницу главного жреца, – буркнул Брендон, явно не желая создавать иллюзию непринужденной беседы. – А в обычные дни в храме всегда было чем нас занять. Сами храмовники напрягаться не очень любили.

Тут зазвонил мобильный. Судя по номеру, наконец-то у эксперта появились какие-то интересные мысли насчет смерти старушки.

– Ее убили чем-то похожим на коготь очень большой птицы, но вся птица в убийстве не замешана, – порадовал меня Матис, один из трех судебных медиков, работающих с нашим отделом.

– То есть как? – не сразу сообразила я.

– А так, – Матис хохотнул, явно довольный собой, – орудие убийства – коготь. Но, проанализировав силу удара, направление и разрывы на теле, я пришел к выводу, что кто-то насадил его на рукоятку или взял в руки и убил им. Если бы это делал оборотень из птичьих или просто громадная птица, картина повреждений была бы другой. Убийца рассчитывал подставить кого-то когтистого.

– Ты веришь в совпадения? – поинтересовалась я у Брендона, закончив разговор с Матисом.

После разговора с судмедом мне стало значительно легче. Конечно, мы понимали, что, несмотря на наличие орудия убийства, прикованный к батарее грифон, вероятнее всего, убийцей не был, но все же небольшая доля сомнения име-

лась. Теперь все стало еще запутаннее, но при этом кое-что прояснилось.

– Бывают иногда. – Парень, пожав плечами, выжидающе посмотрел на меня.

– Бывают. Но мне кажется, в твоем случае все было прекрасно спланировано. Реализация только подкачала.

Брендон продолжал глядеть мне в глаза, дожидаясь, когда я соизволю объяснить, что же случилось.

– Похоже, тебя собирались сделать козлом отпущения. Но что-то пошло не так. Осталось понять: кто убил тех, кто привез тебя; они или кто-то другой убили нашу суперактивную бабушку; и, главное, куда делось настоящее орудие убийства. Ну и еще: очень интересно, озаботились ли они причиной убийства для легенды и какая причина на самом деле. В общем, начать и кончить… Кстати, мы приехали, – объявила я, паркуя аэромобиль прямо рядом с подъездом.

Повезло, обычно это место успевал занять сосед, но сегодня его где-то носило, судя по темным окнам. Что ж, кто не успел, тот опоздал.

– Вылезай. Думать будем уже завтра, а сейчас – отдыхать! Иначе от обилия вопросов у меня настроение портится.

Глава 5. Древние инстинкты

Единственное, что меня смущало в моей теории про грифона в роли козла, так это неизвестность с составной частью тела химеры. Если у него передняя часть птичья, то все логично, а если львиная? Никто не убивает врагов задней ла-

пой!

Но раз уж сама решила, что все вопросы завтра, значит, надо расслабляться и отдыхать.

– Ты рыбу в храме ел? Предпочтения какие-то имеются? – уточнила я, когда мы вошли ко мне в квартиру. И потянулась за висевшей в коридоре стационарной трубкой.

С моего мобильного надо было постоянно сообщать точный адрес доставки, потому что в нем был встроенный антипеленгатор, и оплачивать еще потом карточкой, общаясь с курьером. А со стационара надо просто сделать заказ и потом нажать кнопку «оплатить», когда придет запрос. Блага цивилизации на службе у социофобов.

– Стухшую не люблю, – хмыкнул Брендон, разглядывая мою квартиру. – Раз склевал от жадности, потом плохо было.

Учитывая благосостояние моей семьи, совсем не работать, как тот же Эдик, я не могла, но зато имела возможность жить в комфорте, несмотря на очень скромную зарплату.

Мы являлись государственной организацией, так что нас предпочитали поощрять премиями, а на постоянный стабильный оклад можно было снимать каморку-студию и питаться в дешевых забегаловках. Но из семейного фонда мне ежемесячно выплачивали сумму, позволяющую снимать квартиру в малоэтажном элитном районе, пить дорогое вино и заказывать суши из некосийского ресторана.

Ну и квартиру обустроить так, как мне нравится, я тоже могла себе позволить. А предпочитала я минимализм и

уют. Так что вся кухня была автоматизирована по максимуму, круглый деревянный стол окружал мягкий диван с высокой спинкой, и под столом прятался пуфик под ноги, чтобы я могла их с удобством вытянуть.

Ламинат и настенные панели прикидывались сосной. Я даже ароматизаторы развесила, чтобы почти по всей квартире пахло лесом. Вот только с растениями у меня были очень сложные отношения, так что в нескольких местах были привинчены горшочки с кактусами. Я поливала их, когда вспоминала, раз в неделю или раз в месяц.

Над столом висела небольшая люстра тепло-оранжевого цвета, с рыжей лампой. Имитация солнца. Над уголком с кухонной техникой светили голубые софиты, а потолок был выкрашен в черный.

– Это ты еще мою спальню не видел, – гордо улыбнулась я, заметив, с каким интересом Брендон изучает обстановку.

Двусмысленность сказанной фразы я осознала только после того, как мой гость пристально уставился на меня. Правда, в этот раз его глаза оставались обычными, но мне все равно стало неуютно.

– Хотя гостевая комната тоже ничего вышла. Пойдем, покажу. – И я направилась в гостиную, уверенная, что Брендон пойдет за мной.

Но он, подойдя ко мне сзади, обнял меня за талию и прижал к себе:

– Нет уж, раз пообещала спальню…

Инстинктивно вывернувшись, я с трудом поборола желание нанести не совсем честный удар коленом между ног.

– Даже не думай! – предупредила я, раскрасневшись от злости.

Брендон, тут же убрав от меня руки, пожал плечами:

– Как хочешь. Тебе бы понравилось. У меня богатый опыт.

Я приготовилась выдать ему гневную отповедь, но, не успев открыть рот, одумалась и уточнила:

– Тебя хоть самого спрашивали?..

Брендон, усмехнувшись, ничего не ответил. Заглянув в гостиную, он одобрительно кивнул и показал мне большой палец. Типа оценил.

В общем, вел себя так, словно ничего странного не произошло. Выдохнув, я решила, что это самое правильное. В поведении химеры не чувствовалось никакой неловкости, так с чего бы мне тут трагедию разыгрывать? Просто легкое недопонимание, которое мы почти сразу устранили.

Брендон уселся на кухонный диванчик и вопросительно посмотрел на меня. Я выставила на поднос две кружки с чаем, сахарницу, пачку печенья и водрузила это все на стол. Что-то более глобальное готовить смысла не было – вот-вот должны привезти суши.

– Угощайся. – Я уселась рядом с парнем, стараясь вести себя как можно естественнее.

До того как он полез ко мне обниматься, я почти не задумывалась о нем как о мужчине. Вернее, как о партнере на

ночь. Как о… Как о ком-то, с кем я могла бы переспать!

А вот теперь каждое его движение выглядело так соблазняюще, словно у меня несколько месяцев нормального секса не было. И пусть это было правдой, все равно кидаться на химеру… на первого попавшегося парня, да еще в такой двусмысленной ситуации и вроде как зависящего от меня, было неправильно.

Нет, мне нужен какой-нибудь молодой лев, а не тот, кто привык ублажать женщин по приказу.

– Меня в храм мать привела, – неожиданно сообщил мне Брендон. – Мне лет пять было, я ее почти не помню. Только запах.

Я несколько раз сглотнула, пытаясь понять, как поступить правильнее. Отсесть подальше или продолжать делать вид, что все в порядке и я не поняла намек?

– Ты пахнешь похоже, но не так, как она, – продолжил Брендон. – Может, она уже была не совсем львица…

– Может, – кивнула я, чувствуя себя очень неуютно, непонятно почему. Моей вины в том, что с ним случилось, точно не было. – Наверное, она считала, что тебе там будет лучше, – предположила я. – Все-таки храм же…

Брендон на мгновение скептически скривил губы, но отрицать не стал.

– Нас одевали, кормили, учили грамоте. Делали все, чтобы мы подписали документы и остались в храме навсегда. Презирали, конечно, но по-своему заботились. – Помолчав,

химера посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся: – Я удовлетворил твое любопытство? Ты так забавно стеснялась меня расспрашивать.

Звонок в дверь прозвучал как никогда вовремя. Кивнув, я почти побежала к двери, чувствуя, как пылают щеки. Я была уверена, что меня трудно смутить, однако к такому оказалась не готова.

Прочти я нечто подобное в новостях, наверное, даже не вздрогнула бы. Кто-то сдает своих детей в детские дома, кто-то – в храмы. Но даже сейчас у меня не получалось проникнуться к Брендону сочувствием.

Я выслушала его историю, задействовала собственное воображение, и у меня внутри возник образ несчастной жертвы. Только жертвы выглядят иначе. Грифон был невозмутим, спокоен и уверен в себе.

Это мне внезапно стало стыдно и за его мать, и за храмовников, а главное, за саму себя со своим таким явным любопытством.

Правда, я почти успокоилась, пока спешила к двери. Нельзя чувствовать себя ответственной за все происходящее в мире. Основное правило, которое в нас вдалбливается первые несколько лет работы в полиции, – нельзя спасти всех. Мы не боги.

Общество презирает химер, храмовники используют это в своих целях. Что я могу сделать, чтобы исправить ситуацию? Да ничего! Разве что начать с себя…

Вместо курьера оплаченные заранее заказы доставляют роботы. Их выпускают из машины с одной большой коробкой в механических лапках, и они катятся по запрограммированному адресу, звонят, оставляют пакет под дверью и уезжают. Ожидание, пока клиент заберет заказ, в их задачу не входит.

– Отойди. – Брендон, неожиданно оказавшийся рядом, отодвинул меня в сторону, наклонился и поднял картонную коробку, упакованную в пакет. – На кухню?

– Угу. – Захлопнув дверь, я пару секунд постояла в коридоре и только потом пошла следом.

Не понимаю, почему мне так сложно непринужденно общаться с этим парнем? С тем же Алексом никаких проблем не возникало. Мы сразу стали друзьями, минуя стадию взаимной притирки. И о том, что мой коллега – красивый молодой мужчина, я вспоминаю, только когда замечаю, как на него смотрят другие женщины. А Брендона даже красивым не назвать. Ничего примечательного ни в лице, ни в фигуре. Симпатичный, и все.

Или я неожиданно оказалась любительницей экзотики не только в еде и меня тянет к нему, потому что он химера?

– Да, такую рыбу я ем, – раздался довольный… клекот?.. нет, все-таки человеческая речь, но с птичьими интонациями.

Забавно, я же тоже иногда практически мурлыкаю, так что ничего удивительного в том, что орлогрифы клекочут от удо-

вольствия. Гораздо интереснее то, что от услышанного во мне зашевелились древние инстинкты. Я еще на несколько секунд задержалась, пытаясь заглушить хищный блеск в глазах, прежде чем вошла на кухню. Но, встретившись взглядом с Брендоном, поняла, что он его заметил и почему-то улыбнулся, подозрительно радостно.

Глава 6. Уютный вечер

Учить кого-то правильно есть суши – веселое развлечение, минимум минут на двадцать. Сначала надо обучить несчастного пользоваться палочками, причем я даже не задумывалась, сколько при этом потребуется прикосновений, чтобы правильно расположить пальцы, научить брать суши, макать в соус и вынимать целым, а не развалившимся в кашицу, подносить ко рту, класть в рот…

– Вот так, нет же… вот, да… а теперь сжимай… не так сильно! Во-о-от… и макай… В смысле зачем? Так вкуснее. Упс…

– Правильно, рис – это излишество, а рыба вкусная!

Отличный тест на взрослость, когда у тебя что-то не получается с первого раза. Брендон веселился, покалечив очередное суши. Он не нервничал, не отбрасывал палочки в сторону, а старательно пытался научиться, внимательно наблюдая за мной и прислушиваясь к моим советам. Когда очередное суши пало смертью храбрых, он лишь рассмеялся, довольно ловко выловил рыбу из соусницы и запихнул ее себе в рот. А потом встал, сам сполоснул в раковине миску и налил в

нее новый соус.

– Так, все! Сейчас получится! – уверенно объявил он.

И действительно, в этот раз ему удалось проделать все манипуляции и съесть суши целиком, а не по частям.

– Ха! – Брендон гордо расправил плечи и посмотрел на меня так, словно я сомневалась в успехе, а он справился буквально мне назло. Из взрослого серьезного парня где-то на полминуты он превратился в довольного собой мальчишку. – А еще красненькие остались?

Мы так хорошо сидели, что у меня возник соблазн достать бутылку вина, но я вовремя одумалась. Да, Брендон вроде бы вполне адекватный, но все равно незнакомый. Конечно, с одного-двух бокалов с моей реакцией ничего не случится и в буйную стерву я не превращусь. А вот он?

Нет уж, зеленый чай тоже отлично подходит к суши. Не будем портить милую уютную атмосферу…

Наевшись, мы перешли в гостиную, уселись на диван, и я включила первый подвернувшийся мне под руку фильм. В процессе просмотра Брендону пришлось несколько раз управляться с пультом. Мне позвонили по работе, и я уже отошла в коридор, забыв нажать на паузу. Химера сделал это за меня. А чуть позже Брендон высказался о поведении героя, я не расслышала, и он, уменьшив звук, повторил фразу.

С кухонной техникой мой гость тоже раньше встречался и умел ею пользоваться. Это я тоже отметила. В общем, не в хлеву вырос. И речь была правильная, не было ощущения

разговора с необразованным фермером из какой-нибудь глухомани. Весь сюжет комедии Брендон тоже понял, хотя там было о секретарше, которая пытается соблазнить одновременно сразу троих: своего непосредственного босса, его друга и владельца фирмы. Этот фильм мне притащила Аманда, жена соседа, когда мы с ней пару месяцев назад устраивали девичник.

Едва сообразив, что за кино поставила, я принялась рыться в поисках чего-то другого, но тут Брендон рассмеялся над девушкой, которая в первый рабочий день приносит поднос с кофе в кабинет к своему начальнику и видит троих мускулистых красавцев. У нее разбегаются глаза, и она сыплет им всем в кофе соль вместо сахара. Я решила, что феминистическая вера позволяет мне повеселиться над обычной смазливой куколкой, нацелившейся удачно выйти замуж. При этом она сначала пресмыкалась перед этими тремя, а когда они все сразу одновременно нацелились за ней поухаживать, стала вести себя как избалованная капризуля.

Это был фильм для домашних кошечек, и я бы ни за что не стала его смотреть второй раз, да еще абсолютно трезвая, если бы не Брендон, которого история явно веселила. Причем вначале он сопереживал героине, а потом героям. Сопереживал так искренне и эмоционально, что я больше следила за ним, чем за сюжетом.

«Да ты что, не видишь, выделывается она! Вот дурак, правда поверил, что ли?!», «Да зачем она тебе?! Что ты в ней

нашел, одумайся!..»

– Нет, после перелома она на ногу встать не смогла бы. – Не знаю даже, почему после этой фразы у меня заметно снизился градус веселости.

Ноги ломают многие, от этого никто не застрахован. Главное – кости правильно сложить и сделать несколько смен обликов подряд. Денек-другой поболит, конечно, как и пулевое ранение, но потом все пройдет.

В первые годы службы в полиции я успела себе переломать и руки, и ноги и поймать пулю в плечо. Преступники очень не любят, когда их пытаются задержать.

И да, я тоже знала, что, будь у героини настоящий перелом, она бы не смогла сделать даже пару шагов, а уж тем более красиво дохромать до аэромобиля одного из героев, чтобы потом рухнуть в его объятия.

– Это кино, – на всякий случай пояснила я. – Но могли, конечно, более реалистично отыграть ситуацию.

– Ясно… – Брендон покосился в мою сторону и снова уставился в экран. – То есть это не героя обманывают, а нас с тобой, верно?

– Ну… – Я ненадолго задумалась. – Скорее, просто режиссер решил, что так будет эффектнее, пусть и менее правдоподобно.

– Жаль. А то я практически поверил, что все это и правда происходило.

Оставшиеся минут десять до конца фильма Брендон про-

молчал, потом горестно вздохнул и уточнил:

– Я сплю тут, да? Полотенце выдашь? В храме только душ был, а я всегда мечтал поваляться в ванне, ты не против?

Я была не против. Убедившись, что с настройкой воды Брендон прекрасно справляется, выдала ему полотенце, шампунь, гель и крем для удаления волос.

– Лаванда? – ухмыльнулся химера, покрутив в руках сиреневый тюбик.

– Извини, мужчины в доме нет, так что никаких тропических ароматов и можжевельника. – Я тоже улыбнулась и успокоила: – До завтра выветрится. Зато, если верить рекламе, удаляет волосы даже в самых труднодоступных местах.

– Да ладно, главное, чтобы щетину убрал. Она меня раздражает. – И Брендон провел ладонью по щеке. Пальцы у него были очень красивые, ровные и длинные. А кожа на лице гладкая.

Меня щетина, а уж тем более усы или, того страшнее, борода у мужчин тоже раздражали, так что я одобрительно кивнула и вышла из ванной. Надо было еще разобрать кровать в гостиной и незаметно подключить сигнализацию.

Каждый полицейский немного параноик, так что у меня были сигналки на дверях в квартиру, обе комнаты и кухню. То есть, если вдруг Брендону в ночи приспичит прогуляться, мне придет уведомление на мобильный и подключенные к нему часы.

Звуки, способные разбудить меня в любом состоянии, уже

давно были подобраны, так что оставалось лишь выбрать, какой прикрутить на сообщения от сигналки, и все.

Я как раз заканчивала разбирать кровать, когда из ванной вышел Брендон. К счастью, он догадался обмотать бедра полотенцем. А то мог бы и голым явиться. Понятия о некоторых общепринятых условностях у него явно были размыты. И, словно подтверждая это, он оглядел меня с ног до головы и поинтересовался:

– Ты уверена, что хочешь спать одна? Я бы с удовольствием расплатился с тобой за ночь.

При этом у него на лице ни один мускул не дрогнул. Словно предлагал вешалку в коридоре прибить, эдак между делом. Абсолютно не напрягаясь.

Глава 7. Родственные связи

– Мы в ответе за тех, кого спасли. – Насмешливо прищурившись, я тоже оглядела своего гостя с головы до ног. – Как тебе первое принятие ванны?

– Расслабляет. – Брендон провел ладонью по своим влажным волосам и попросил: – Почитать дашь что-нибудь? А то непривычно как-то. Не устал совсем…

– Все книги, какие есть, на этом винчестере. – Сходив к себе в комнату, я притащила электронную читалку и внешний винт. – А так – онлайн-библиотеки тебе в помощь.

Читалку Брендон видел тоже явно не в первый раз. Знал, как выходить в сеть, и сразу по памяти набрал адрес одного из трех самых раскрученных литпорталов. Нет, к цивилиза-

ции их в храме приучили, это точно.

Обменявшись пожеланиями спокойной ночи, мы улеглись, каждый в свою кровать. Дверь в свою комнату я на всякий случай заперла.

Мало ли, приспичит все же заглянуть отблагодарить? А в полусне я могу и согласиться. Это сейчас я осознаю, что спать с парнем только потому, что он хочет с тобой расплатиться за ночь, неправильно. Может быть, я ему и нравлюсь немного, но это все равно даже не проститутка с почасовой оплатой. Там осознанная продажа своего тела за деньги, а здесь… безысходность какая-то. Типа у меня больше ничего нет, кроме собственного тела, так давай я тебе его дам попользоваться, раз ты такая добрая. Нет уж! Я добрая не поэтому. Я вообще не добрая! И совершенно не собираюсь спать с симпатичным парнем, которого приютила на ночь, потому что… Да! Мы в ответе за тех, кого спасли. Не на улицу же его было выкидывать?

Неконтролируемое чувство вины перед химерой за все наше общество меня практически отпустило. Не такие уж храмовники и гады, на самом-то деле: образование дали, техникой пользоваться научили, голодом не морили… Морально пинали, скорее всего, но иногда и родные родители ведут себя довольно агрессивно.

Ну не был Брендон похож на жертву рабовладельческого насилия, как я ни пыталась убедить себя в этом. Просто парень, попавший в сложную ситуацию, потому что хитро-

жопые обезьяны заставили его заключить вечное трудовое соглашение с храмом. Куча оборотней живет в постоянных долгах: кредиты, налоги, аренда домов…

Обезьяны повели себя подло, и наверняка при желании все эти долговые расписки можно аннулировать, признать незаконными. Просто в такую ситуацию мог попасть любой, не только химера. Наше общество так устроено, и моей вины в этом нет. Я борюсь с преступностью по мере своих сил. Но не виновата в том, что в мире то и дело совершаются преступления.

Беда в том, что на самом деле я постоянно ощущала легкую царапающую вину перед всеми честными гражданами. И знакомство с Брендоном временно ее усилило. Но я уже привычно успокоила себя, взбила попышнее подушку, укуталась в одеяло и задремала, готовая в любой момент подскочить и выбежать из комнаты, если сработает сигналка. Только она не сработала. И я вскоре уснула.

О том, что Брендон покинул комнату, мобильник сообщил мне в шесть утра. Лениво потянувшись, я выползла в коридор, как была, в пижамных шортах и майке. Убедилась, что химера просто решил посетить ванную, и удалилась обратно. Но заснуть уже не получилось, тем более когда на всю квартиру дразняще пахнет кофе и жареными хлебцами. Ну надо же! Кажется, у меня будет завтрак в постель?!

Правда, до этого сервис не дошел – Брендон просто вежливо постучал в дверь и позвал меня на кухню.

– Офигеть, – только и смогла выдать я, обнаружив на столе пышный омлет с зеленью, гренки с чесноком, кофе и… вафли!

Мышь мне поперек глотки, точно! Я же сама накупила полуфабрикатов к подаренной мне Алексом на день рождения вафельнице и успешно о них забыла. Подарок тихо пылился в уголке, полуфабрикаты – в морозилке, и вот все вместе дождались своего часа!

– Нет, я, конечно, могу сделать вид, что я их испек, но ты же все равно не поверишь. – Брендон оценил мой восторг в глазах. Он прямо светился от гордости, самодовольно улыбаясь при этом.

– Знаешь, если бы ты еще и печь умел…

– Но я не умею, – усмехнулся химера, наблюдая, как я с аппетитом уничтожаю омлет. – Готовить вообще не люблю, – честно признался он, уже когда мы почти закончили завтракать. – Только если что-то взять, куда-то положить и нажать последовательность кнопок. Ладно, могу еще помешать и даже приправить, если найду чем.

– В наше время этого достаточно, чтобы быть кулинарным гением. – Я вытерла губы салфеткой и сыто зажмурилась. – Знаешь, пожалуй, пока идет следствие, поживешь у меня.

Вчера у меня было вялое желание напрячь начальство и выбить Брендону отдельную камеру с трехразовым питанием, но после такого завтрака и вполне спокойной ночи это желание окончательно испарилось.

– Ну что, одеваемся и на работу? Искать преступников! – бодро скомандовала я, а потом вспомнила и добавила: – Спасибо за завтрак. Было очень вкусно.

Пока ехали до офиса, я выяснила, что Брендон прекрасно разбирается в марках аэромобилей. Вроде бы ничего удивительного для парня, но опять же лишний положительный штрих к его жизни в храме.

– А водить ты умеешь? – внезапно решила уточнить я. Мало ли, вдруг…

– Мобиль могу, но плохо. Практики мало было. – Химера покосился на меня и почему-то замолчал. Оставшиеся минут десять он лишь односложно отвечал на мои вопросы, так что я прекратила приставать. Уж не знаю, чем его расстроило отсутствие практики, но не пытать же мне его?

Войдя в кабинет, я уселась за свой стол, а Брендон устроился на диване.

Вначале я пролистала новости, выискивая те, что относятся к нашему делу.

За сутки шумиха в прессе набрала обороты и лучшие адвокаты Фелинии приступили к оспариванию грабительских долговых расписок химер храму. Положительный пиар – штука нужная, так что, может, и освободят, ну, или по крайней мере сократят размеры долга до более-менее реалистичных.

– Итак, что у нас новенького? Кроме того, что убийство старушки собирались повесить на Брендона, – начитавшись,

поинтересовалась я у Изильды, всегда приходившей на работу раньше всех.

– Кажется, я нашла родственников нашего «дитяти отдела». – Девушка от души дунула на золотистую челку, упавшую ей на глаза, а потом заправила ее за ухо. – Мы же вчера генетический тест сделали, утром пришли результаты, я прогнала их по базе. И у нас есть один кандидат, правда среди преступников. – Изильда выдержала небольшую паузу, загадочно-интригующе сверкая глазами, и только потом добавила: – Внук убитой старушки, госпожи Антельсмейн.

– Получается, Брендон тоже ее родня? – Я даже ноут отодвинула и с подозрением уставилась на химеру. – Похоже, мы кружим рядом или с настоящей причиной убийства, или с той, которую нам должны были подсунуть, чтобы сбить со следа. В любом случае копай дальше, – приказала я Изильде. – Это хорошая зацепка, ты молодец!

Глава 8. Выбор зла, день второй

О наличии в кабинете постороннего я вспоминала лишь изредка, натыкаясь взглядом на диван. Брендон взял с собой читалку и валялся, подложив под голову выпрошенный в соседнем отделе небольшой валик. У них там не так давно меняли мебель, и старые кресла отправились на свалку. А вот валики, украшавшие их подголовники, соседи запасливо заныкали, и наш химера каким-то чудом умудрился добыть один из них.

О своих родственниках ни по отцовской, ни по материн-

ской линии он ничего не знал, так что помощи от него не предвиделось. Но за полдня нам удалось выяснить, что у бабульки Антельсмейн было двое детей, сын и дочь, сбежавшая примерно лет пятьдесят назад. Ей тогда было всего лишь девятнадцать, девчонка совсем, но уже с кучей приводов за магазинные кражи, нарушения общественного порядка и два угона автомобиля. Даже срок реальный выписали, но потом адвокат добился замены на условный.

– Кстати, а откуда у них деньги на адвоката? – поинтересовалась Изильда, как раз отвечающая за генеалогические раскопки.

Она сидела, уставившись в ноут, задумчиво водила пальцем по тачпаду и любовалась на мелькание указателя на экране.

– Адвокат был не из дешевых… А, нет, в то время он был бесплатный, это потом раскрутился.

– Ну вот, а я уже стойку сделала. – Вздохнув, я покосилась на развалившегося на диване Брендона и предложила: – Пойдем обедать?

Кафешка внутри здания бюро отличалась адекватным минимализмом. Это касалось как меню, так и цен. Главное – ходить никуда не надо, только спуститься на первый этаж.

Столики, правда, тоже были рассчитаны максимум на троих, и обычно нас это не смущало. Мы оставляли Эдика дежурить в офисе, а сами как раз втроем – я, Алекс и Изильда – отправлялись обедать или перекусить вечером, чтобы

продержаться до домашнего ужина. Но теперь нам пришлось разделиться на парочки.

Вчера Брендона развлекал Алекс, а сегодня я решила, что химера – это моя забота.

За окном вовсю буйствовала весна. И запахи кружили голову даже в наших каменных джунглях, заглушая ароматы еды.

– Скоро праздник пришествия Отхурона, бога обезьян, – внезапно произнес Брендон, глядя при этом в окно, а не на меня.

Я не сразу поняла, к чему это он, потом вспомнила:

– Как раз в этот праздник ты должен будешь везти главного жреца в его колеснице?

– Да, причем один, раз ребят из храма изъяли. – Брендон кривовато улыбнулся и уткнулся в тарелку с супом.

– Если все еще будет идти следствие, то жрецу придется прогуляться пешком или использовать аэротягу. – Я сосредоточенно наблюдала за химерой, пытаясь понять, о чем он думает. Так увлеклась, что даже нижнюю губу стала покусывать. Дурацкая привычка, от которой мне никак не избавиться.

– На каком основании? – уточнил Брендон, наконец-то решившись посмотреть мне в глаза. Конкретно сейчас он все равно не походил на жертву, но почему-то его очень хотелось пожалеть. – Я не преступник и вроде бы даже не подозреваемый. – Усмехнувшись, химера принялся собирать тарелки,

свои и мои, складывая их на поднос. – Так что обязан буду явиться по первому зову. Думаю, меня попытаются забрать уже завтра, если не сегодня.

– Ты свидетель обвинения. – Я встала, уперлась ладонями о стол и уставилась на парня сверху вниз. Взгляд у меня, когда я хочу, довольно тяжелый, но Брендон лишь слегка нахмурился, продолжая делать вид, что очень занят уборкой посуды. – Мы не отдадим тебя храму, потому что ты свидетельствуешь против него.

– А потом? – Тарелки и стаканы внезапно закончились, так что химере пришлось приподнять голову и взглянуть на меня. – Потом я вернусь к ним…

– Нет! – со злостью, уверенно рыкнула я. – Не вернешься!

Это было бы очень нечестно, несправедливо, жестоко… Опасно! Очень опасно возвращать Брендона в храм, который мы ощутимо прижали благодаря его показаниям.

– Не понимаю. – Парень с интересом разглядывал меня, тогда как большая часть посетителей кафешки, сначала вздрогнув от моего рыка, убедилась, что ничего особенного не происходит, и снова занялась своими делами. – Зачем я тебе нужен?

– В смысле? – Я озадаченно посмотрела на химеру. – Тебя не вернут в храм по закону, понимаешь?

– А где был этот закон раньше? – с горькой жесткостью выдохнул Брендон.

– Закон надо тыкать носом в несправедливость. – Нахму-

рившись, я попыталась оправдаться: – Никто ведь даже не подозревал о том, что творится в храме.

Химера на это лишь скептически скривился.

Конечно, насчет «никого» я сильно преувеличила. Скорее всего, много кто знал, только не те, кого волновала справедливость. А самое обидное, что, если бы обезьяны так издевались над подростками из кошачьих, их бы гораздо раньше призвали к порядку. Мы гораздо спокойнее относимся к дискриминации тех, кто от нас отличается.

Очевидно, Брендон думал примерно о том же, потому что, когда мы уже поднимались в полупустом лифте обратно в отдел, негромко произнес:

– Мы ведь могли быть везунчиками, которых принимают сразу два рода, а стали изгоями, которых все презирают.

– Да ладно, в школе можно огрести и за то, что ботан в очках, и за то, что голова кудрявая или цвет волос не такой, как у всех, – тут же отреагировал Алекс. Уверенно, явно опираясь на собственный жизненный опыт. У него имелись по крайней мере два пункта из трех: кудрявая голова и редкий для барсов снежный окрас.

Может, и очки когда-то были. Конечно, для оборотней проблемы с глазами – редкость, однако подобное встречается. А операции по устранению любых внешних дефектов делаются лишь после того, как тело полностью сформировалось.

– Для того чтобы стать изгоем, совсем не обязательно

быть химерой, – закончил Алекс свою мысль.

И тут же двое едущих с нами молодых полицейских, оторвавшись от болтовни друг с другом, покосились в нашу сторону и настороженно замолчали.

Брендон насмешливо фыркнул. У него было такое лицо, словно он очень хочет пугануть эту парочку, так что пришлось незаметно погрозить ему кулаком.

Но пока я отвлеклась на химеру, Изильда, до этого сосредоточенно следящая за мельканием цифр, показывающих, на каком этаже мы находимся, с серьезным лицом выдала:

– Это называется конформность. Стремление быть как все любой ценой, иначе затопчут. Так что, если попадешь в общество, где преобладают стадные животные инстинкты, придется или терпеть насмешки, или стараться не выделяться. Но, хвала Бастет, здесь у нас служат образованные оборотни, а не животные, правда, парни?

Я еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Оба полицейских, презрительно-настороженно косящихся на Брендона, синхронно вздрогнули, едва поняли, что Изильда обращается к ним. Но к их счастью, лифт остановился на нашем этаже и мы вышли.

– «Мириться лучше со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться», – уже в отделе, усаживаясь за свой стол, процитировала я древнего поэта. – Но иногда все же лучше сбежать. Ты наполовину лев, нечего тебе делать с обезьянами!

– Учитывая, сколько я должен знакомому злу, к незнакомому меня вряд ли отпустят, – хмыкнул Брендон. – Но я с радостью сбежал бы, если бы было куда.

Глава 9. Всегда лучше перебдеть

– Эдик, мне внезапно понадобилась твоя помощь. – Ближе к вечеру мы упорядочили все, что у нас есть, и начали пытаться сложить из имеющихся обрывков цельную картину массового убийства.

– Польщен. – Немного обиженно фыркнув, парень все же подошел и уселся на стул с другой стороны моего стола.

– Адвокат по семейным делам вряд ли будет говорить с полицией без ордера, а прокурор вряд ли рискнет нам его дать. Улик у нас пока нет, одна голая вопящая интуиция. Так что задействуй свое обаяние, шарм, связи папочки, продай душу, но добудь текст завещания госпожи Антельсмейн. Весь, с постскриптумами и мелким шрифтом, – на всякий случай уточнила я. Пусть Эдик надулся еще больше, но с его низкими умственными и высокими раззявистыми способностями лучше перебдеть. – Это срочно, так что беги.

Проводив взглядом оскорбленного котика, гордо выплывшего за дверь, я подозвала к себе Алекса:

– Озадачь полицейских, сядь им на хвост и понаблюдай за допросом Антельсмейна-младшего. Предъявить ему нам пока нечего, так что просто проследи за поведением, за его реакцией на сообщение о смерти бабушки ну и наводящие вопросы позадавай. – Я подмигнула парню, но и с ним ре-

шила перебдеть: – Только не спугни, пусть думает, что он вне подозрений! Улик-то нет. И поводов, кроме наследства, тоже нет.

– Есть, шеф. – Алекс, довольно засияв, тряхнул челкой и рванул прочь из отдела, на ходу переговариваясь по мобильному с начальником полицейского управления того района, в котором снимал квартиру внук госпожи Антельсмейн:

– Здравствуйте, ФБР беспокоит. Мне нужна ваша помощь…

– А мы возьмем на себя самое трудное. – Встав из-за стола, я выразительно посмотрела на Брендона, отложившего читалку, едва я начала активно озадачивать сотрудников.

– Мы? – Лениво потянувшись, как истинный представитель кошачьего рода, химера тут же склонил голову набок так, как обычно делают птицы, едва уловимым резким движением. И уставился выжидающе, чуть выдвинув при этом вперед подбородок. Львица во мне издала что-то типа хищного урчания перед прыжком. Изильда изумленно хмыкнула, тоже оценив эту странную смесь родовых признаков в одном оборотне.

– Раздражает? – сочувственно поинтересовался Брендон, быстро покосившись на девушку, но в основном глядя на меня.

– Пока не поняла, – ловко вывернулась я. – Ты первый химера в моей жизни, так что я еще не определилась. Но скорее забавно.

Сверкнувшая на губах скептическая ухмылка означала, что мне не поверили. А зря. Я была озадачена и заинтересована как хищница, и мне действительно было довольно забавно как человеку. Раздражения я точно не испытывала. Может быть, переросла, может быть, уже воспринимала Брендона более-менее своим.

– Так что мы возьмем на себя? – уточнил химера, когда мы уселись в аэромобиль.

– Общение с храмовниками, – пробурчала я, стараясь не слишком демонстрировать свое недовольство. Ненавижу проводить допросы вне бюро, но тут требовалось учесть столько нюансов, что проще было скататься в храм самой, чем объяснять полицейским, что именно надо вытрясти из этих хитрозадых гадов.

Вообще, это дело было очень сложным даже не в плане расследования, а из-за кучи тонких моментов, в основном политических. Ведь наверняка у главного жреца есть связи где-то наверху, иначе бы ему не разрешили выстроить обезьяний храм на кошачьей территории.

Церквушку – да, а вот целый храм… Не так уж много у нас обезьян проживает, чтобы им обязательно храм понадобился.

– Ясно, – протянул Брендон и превратился в чучело: каждая мышца напряжена, на лице маска, даже взгляд в одну точку устремился.

– Мне нужен тот, кто что-то понимает в этом дурдоме, –

пояснила я, почти извиняясь. – Заодно осмотришься, может, заметишь что-то необычное, главное – от меня ни на шаг не отходи.

– Тогда как я замечу что-то? – ненадолго отмер Брендон, даже улыбнуться попытался, но потом снова застыл.

– Ну, если они попытаются тебя удержать, как я найду, где ты?.. – Уже начав фразу, я поняла, что у меня есть прекрасный выход. – Поройся в бардачке, там должны быть мини-рации, я постоянно держу штуки две-три на экстренный случай.

Припарковавшись прямо у ворот храма, я предъявила жетон прибежавшему на звонок храмовнику.

– Главный жрец сейчас очень занят, он готовится к празднованию…

– Конечно, я могу прислать вызов в офис, – с улыбкой прервала я молоденького оборотня, попытавшегося удержать нас в дверях… Бастет знает, как называется место работы главных жрецов! Рабочая келья?

Отодвинув паренька в сторону, я постучала и уверенно вошла в кабинет. Брендон просочился следом и встал у меня за спиной.

– Добрый день, – промурлыкала я, оглядываясь по сторонам.

– У меня очень много дел, – проворчал сидящий за столом обритый налысо старик, укутанный в белую хламиду. Взгляд из-под лохматых широких бровей был прямой и цепкий. Но

при этом чувствовалось небольшое напряжение.

– Через неделю мы будем праздновать пришествие Отхурона и мне нужен мой грифон, – заметив Брендона, сообщил мне жрец. Вернее, поставил в известность.

– Ваш? – Изумление в моем голосе было слишком наигранное, потому что им я прикрывала возмущение и злость. Старая мартышка… или кто он там?! В любом случае наглость беспредельная! «Мой грифон»…

– Вы что, еще не поняли? У вас больше нет «ваших» химер, это противозаконно, – процедила я, сумев быстро успокоиться. – Конечно, если Брендон захочет оказать вам услугу…

– Он должен храму целое состояние! – Старик тут же поменял тактику и перешел к взыванию о справедливости.

– У вас слишком дорогое образование, – ухмыльнулась я в ответ. – Надеюсь, лицензированное? Вам уже выслали требования перечислить, что именно включает в себя долг химер храму? Питание, обучение, медицинское обслуживание?.. Кстати, могу я посмотреть на прививочный сертификат Брендона? И – да! – Я сделала вид, как будто только что вспомнила, хотя на самом деле все было продумано заранее: – Сходи забери свои вещи. Учитывая размеры твоего долга, у тебя нарядов должно быть чемоданов на десять, – пошутила я вслед.

Когда Брендон вышел, я уселась на стул и внимательно посмотрела на тщательно сдерживающего гнев жреца.

– А еще у вас убили трех подчиненных, которые, вполне возможно, похитили «вашего грифона» и были связаны с преступницей, которую тоже нашли убитой. Вас это не беспокоит?

– Вы – полиция, вы и беспокойтесь. – Старик пожал плечами и презрительно скривился. Но глаза у него забегали, а пальцами он начал нервно стучать по столу.

– Мы беспокоимся. – При этом я очень выразительно посмотрела на руки жреца. – Однако мы отдел по расследованию убийств, а не охранная организация. Так что, если вы тоже начнете беспокоиться, мы с вами расстанемся гораздо раньше. И вам приятнее, и у нас меньше работы.

Пока старик пытался испепелить меня взглядом и придумать культурный ответ, я быстро перешла на деловой тон:

– Вы знали, куда и зачем направляются ваши сотрудники? Откуда у них разрешение воспользоваться аэробусом? Вы его дали или кто-то из погибших имел право пользоваться машинами храма, выезжать в город и вывозить с собой химеру? Для этого надо дать взятку следящему за воротами храмовнику?

Я выдавала вопрос за вопросом, не дожидаясь ответов, просто следя за реакцией жреца. Выражение глаз, мимика, движения рук – порой этого вполне хватало, чтобы уловить правду. Подробности я узнаю потом, а пока я уже выяснила, что троица уехала из храма, не уведомив начальство, однако кто-то из них или имел право так поступать, или…

– Они попросили аэробус совсем для другого, верно? Вы сами подписали разрешение? И куда же они собирались?

– Закупить продукты к празднику, – со злостью глядя на меня, сквозь зубы процедил мужчина. Вот можно подумать, это я виновата, что его обманули, использовали и потом еще погибли довольно неудачно, успев привлечь внимание полиции. Хотя продукты закупить им бы, наверное, пришлось.

– А химеру они взяли, чтобы тот сумки с рынка таскал? – съехидничала я, не удержавшись.

– Грифона они взяли без моего согласия, – практически прорычал жрец, частично обернувшись от гнева. Его лицо из человеческого превратилось в обезьянье, и сразу стало ясно, что он ни разу не мартышка, а кто-то явно крупнее. – Он нужен мне на празднике! – Жрец привстал, продолжая плавно обращаться и пытаясь придавить меня взглядом. Будь вместо меня котик Эдик, может быть, ему это и удалось бы. Ведь клыки у павианов почти как у львов. Только он все равно лишь обезьяна!

Я сменила облик сразу полностью, не выделываясь. Положила передние лапы на стол и с трудом сдержала уже рвущийся наружу рык. Только предупреждающе оскалилась и снова уселась на стул уже человеком, с невиннейшим выражением лица.

Успела я вовремя, потому что в комнату ворвались сразу три жреца, запыхавшиеся, как будто только что довольно резво пробежались, торопясь спасти своего начальника.

– Все в порядке? – Один из ворвавшихся уставился сначала на меня, затем на старика, тоже сменившего ипостась на человеческую, вот только не так быстро, как я.

– Да, меня тут пытаются запугать и спровоцировать. – Я встала и деловито кивнула главному жрецу: – Спасибо за сведения. Для дальнейшей беседы мы вызовем вас в бюро, завтра. – Бастет с этими нюансами. Попытка спровоцировать сотрудника полиции сигнализирует о безысходности. Когда разум и осторожность разбегаются, зато активируется агрессивная дурь. И наблюдать за этим лучше в специально оборудованной видеокамерами допросной. – Так что запланируйте эту поездку в своем графике.

После чего вышла из кабинета, спустилась на улицу, огляделась и поинтересовалась в рацию:

– Ты где? Я закончила…

Тишина была мне ответом. Хм, что ж, значит, придется прогуляться по территории храма.

Глава 10. Химерохищение

Территория у храма была огромная, но я точно знала, куда идти, благодаря встроенному в рацию навигатору. Механический женский голос потрескивал мне в ухо: «Через два метра поворот налево. Поворот налево. Двигайтесь прямо. Через пять метров поворот направо».

Химеру я нашла связанным, с кляпом во рту, валяющимся в небольшом сарае. К тому времени меня уже несколько раз попытались остановить. Но Изильда просветила меня по

мобильному, что в часы открытия храма для верующих, то есть с шести утра до шести вечера, я имею право прогуливаться по принадлежащей храму территории без ордера, но не заходя в помещения.

В сарай мне пришлось зайти, вежливо отодвинув львиной лапой одного из мускулистых храмовников.

– Я ведь могу вызвать сюда наряд полиции, а сама остаться здесь, – почти ласково промурлыкала я. – И тогда вам будет предъявлено обвинение в похищении свободного гражданина, находящегося под защитой ФБР. Уверяю, проблем будет… банановыми шкурками не отмахаешься!

То ли разум сработал, то ли храмовник оценил размер моей лапы, но в сарай войти мне позволили.

Однако на обратном пути, вытаскивая на себе от души избитого химеру, я наткнулась на группу встречающих. Под дверью нас поджидали сразу семеро жрецов, выглядящих как бойцы из подпольного клуба. Их намерения были прозрачны, как вода, так что, покрепче сжав одной рукой Брендона за талию, чтобы не упал в самый неподходящий момент, второй рукой я достала мобильный и запустила камеру.

– Улыбаемся, мальчики!

Накинуться на меня они не успели. Наверное, им было приказано сначала поговорить, вот и протормозили немного.

Правда, я бы и тогда успела отправить в отдел запрос о помощи, со сбросом координат. Хотя система ФБР смогла бы вычислить меня и по мобильному, при желании. В любом

случае через пять минут здесь был бы отряд ребят из ближайшего районного отдела с разрешением стрелять на поражение.

– Если вы будете препятствовать нам покинуть храм, это будет расцениваться как нападение на сотрудника полиции. Надеюсь, вы понимаете, что после этого вас просто порвут на стельки и помпончики.

Главное было – не оборачиваться, потому что мы на территории более слабых, но хитрозадых оборотней. Меня уже раз пытались спровоцировать, возможно, сейчас новая попытка. Не одна я умею использовать прессу, подкидывая ей неоднозначные фото.

Львица, запугивающая бедных служителей храма, – плохая реклама для ФБР. Угрожать оружием тоже не самое правильное решение – жрецы вокруг даже без палок. И неважно, что их семеро, а я одна, что они крупные прокачанные мужчины, а я – невысокая стройная женщина. Я представитель закона и не имею права нападать превентивно.

Но тут появился кто-то из высшего жреческого руководства. Оценив расклад, он пробубнил что-то типа «расходимся, придурки!» и попытался запугать меня:

– Уходите и больше не возвращайтесь. Вам здесь не рады.

– Вы – храм, а не частная лавочка. – Усмехнувшись, я даже выпрямилась, хотя Брендон висел на мне, как мешок с мясом. – Сюда может приходить любой, рады вы ему или нет. Именно поэтому вы не платите налоги государству, про-

цветая и занимаясь благотворительной деятельностью среди химер.

Лицо жреца заметно перекосилось, пусть он и попытался сразу же принять независимый вид. Но мне уже было не до него. Вслушиваясь в голос навигатора в наушниках, я побрела к воротам, волоча на себе чуть живого химеру.

Еще в сарае, развязывая веревки, я оценила состояние Брендона и предупредила:

– Сначала проверим, нет ли у тебя повреждений, а уже потом начнешь оборачиваться.

Быстрая регенерация оборотней, запускаемая во время смены ипостаси, иногда может сработать против нас. Если есть какие-то внутренние повреждения, но нет угрозы для жизни, проще сначала все выправить, а потом уже оборачиваться и залечивать. Иначе тело может запомнить повреждения и переломы как нормальное состояние. И потом врачам придется повозиться, устанавливая все кости и органы так, как задумано природой.

А когда речь идет о химере, все вдвойне сложно.

Сгрузив Брендона в машину, я погнала в ближайший медцентр. Конечно, учитывая отсутствие страховки, за диагностику пришлось заплатить, но, к счастью, мне как сотруднику полиции полагались скидки на медобслуживание.

Зато я выяснила, что с медицинской техникой химера никогда раньше не сталкивался и еще что запах больницы вводит его в панику до частичного оборота. Причем у него изме-

нились не только глаза, но и руки, превратившись в львиные лапы. Так что загадка с передней частью тела была решена.

И если выразительно-напуганный птичий взгляд будил во мне хищницу, то, едва я замечала, как человеческие кисти плавно покрываются золотистой яркой шерстью, а когти вонзаются в обтянутую специальным кожзаменителем лежанку, меня буквально скручивало от желания погладить и успокоить.

Львицы не видят в своих самцах соперников. В роду кошачьих царит равноправие, а не борьба за него. Даже мелкие кошки гуляют, где им вздумается, и спят, с кем им хочется. И ни один находящийся в здравом уме кот не рискнет ограничить их свободу. В карьере все точно так же. Причем женщины гораздо более организованы и дружелюбны друг к другу, чем мужчины.

Мы уважаем друг друга на уровне инстинктов, это очень важно, потому что можно многое понимать разумом, при этом не принимая на уровне подсознания.

И вот сейчас мои инстинкты, слегка конфликтуя между собой в идейно мотивирующем, были согласны в итоговом. Так что я уселась рядом с Брендоном и положила ладонь на его лапу:

– Успокойся! Ты полежишь несколько минут внутри этой трубы, и врачи увидят, все ли у тебя в порядке. Проверят кости, внутренние органы, голову. Если что-то будет повреждено, они выправят, а потом ты полностью обернешься, и

все.

– А как они поймут, повреждение это или норма? Я химера, у меня все не так…

– В тебе всего лишь орел и лев, ничего сложного.

Главное в процессе успокаивания – не нервничать самой. Пусть Брендон и озвучил мое собственное беспокойство, неважно. Надо верить, что все будет хорошо.

– Надо было обернуться у храма, и все. Зачем столько проблем создавать? Теперь я еще и тебе денег должен, – начав недовольно брюзжать, парень расслабился, и его руки снова стали человеческими.

– Проценты накручивать на долг не буду, обещаю, – хмыкнула я, продолжая успокаивающе поглаживать Брендона.

Глаза у него по-прежнему оставались птичьими, значит, все равно нервничает. На самом деле я и сама очень не люблю томограф: замкнутое пространство, неподвижность, странный шум. Тяжко, особенно в первый раз.

– Все. Просто полежи спокойно пять минут, будь хорошим мальчиком. – Я ласково погладила Брендона по щеке, улыбнулась и вышла из кабинета.

Пять минут… Справится. Я в него верю.

– Да? Ну, что там у нас плохого? Я в больнице, и мне скучно, так что давайте отчитывайтесь, – обрадовала я Изильду через мобильный. – Алекс уже вернулся?

Глава 11. Старые и новые травмы

Алекс уже вернулся. Правда, ничего интересного он не

выяснил. Молодой Антельсмейн глубокое горе на публику не отыгрывал, но опечалился вполне естественно и вроде как до разговора с полицией о смерти бабули не подозревал и ни о каком наследстве слыхом не слыхивал.

Алиби на время убийства у него было довольно шаткое. Но это скорее говорило в пользу невиновности, потому что, учитывая опыт Антельсмейна с его двумя тюремными сроками в пару-тройку лет и неисчислимым количеством задержаний, если бы он и вправду решил продуманно прибить собственную бабку, то алиби у него было бы железное.

– А у Эдика есть что-нибудь? – уточнила я, но тут из двери кабинета высунулась одна из врачей-рентгенологов, так что я успела лишь предупредить: – Вытрясите из него все подробности, пока он их не забыл! И посадите писать отчет. Я скоро вернусь.

Брендон вроде бы в моем утешении пока не нуждался. Он спокойно лежал, положив руку под голову и прикрыв глаза. Так что я сразу пошла в кабинку к врачам, полюбоваться результатами исследования.

На первый взгляд на экране не было ничего необычного, пока врач не стала тыкать указкой, одновременно увеличивая картинку.

– Видите, небольшая мышечная аномалия в плечевой области? Очень интересно, но мы уже отправили запрос и выяснили, что это характерная особенность у большинства химер и она у него в норме. А вот тут, – женщина пощелкала

клавишами и приблизила изображение грудной клетки, сместив картинку влево, чтобы четче была видна правая часть, – были сломаны ребра. И срослись они с небольшим смещением. – Мне продемонстрировали место сращивания. – В целом ничего опасного, но это может доставлять некоторый дискомфорт, который усилится с возрастом. Я бы рекомендовала выправить. Очень бы рекомендовала. – Когда врачи говорят таким тоном, при этом внимательно глядя тебе в душу, правильнее соглашаться. Правда, ребра были не мои, так что придется посоветоваться об их судьбе с владельцем. – Ну и вот тут, – картинка на экране сместилась, и теперь я любовалась на бедро Брендона, – свеженькая трещина и скол, видите?

Я постаралась сохранить невозмутимое лицо, но храмовникам очень повезло, что они сейчас далеко от меня. Все. Включая их главного жреца. Чтобы так повредить бедренную кость, надо ударить по ней чем-то очень тяжелым. И… ну вряд ли кто-то будет бить, целясь именно в бедро. Скорее удар предназначался в другое место, расположенное рядом.

– Внутренние органы повреждены, но не критично, – врач почти сразу подтвердила мои подозрения. – Наше вмешательство будет совсем минимальным. Однако одними оборотами ваш подопечный не излечится.

– Хорошо, мне надо получить его согласие. – Мне удалось вежливо улыбнуться, прежде чем направиться к двери. Войдя в основную часть кабинета, я закрыла глаза и постояла

почти пару секунд, сжав кулаки и стараясь успокоиться.

В реальный мир меня вернул голос Брендона:

– Все так плохо?

– Терпимо, – честно призналась я, усаживаясь на койку. – Со свеженькими повреждениями все понятно. Они есть, и оборотом их не вылечить. Так что ты сейчас снова побудешь хорошим мальчиком. – Я очень старалась, чтобы мой голос звучал весело, непринужденно, словно ничего серьезного не намечается.

По сравнению с любыми одноликими мы очень живучие, в этом наша сила и одновременно наша проблема. Мы можем выжить после таких повреждений, от которых одноликий уже давно умер бы в муках. Вот только выживать нам приходится тоже в муках. И хорошо, что современная медицина научилась восстанавливать все то, что не всегда залечивает оборот… Только процесс этот очень неприятный.

– А давай ты тоже побудешь хорошей девочкой и выложишь всю правду! – Брендон уставился на меня чисто птичьими глазами, в которых сверкало раздражение.

– У тебя плохо срослись несколько ребер, – призналась я, положив ладонь на место старого перелома. – Врачи очень рекомендуют их сломать по новой и срастить правильно.

Химера замер, закрыл глаза, сжал губы и… Нет, мне приходилось видеть такое, но очень редко, даже учитывая специфику моей работы.

Наверное, врачам приходится наблюдать подобное гораз-

до чаще. Когда ты смотришь в лицо оборотня и видишь сразу два облика, словно наложившиеся друг на друга.

В дымке, но совершенно отчетливо я видела птичий клюв вместо носа. А если приглядеться, то и всю орлиную голову целиком. Уф…

– Это будет не больно, тебе дадут обезболивающее. – Я погладила Брендона по лицу, ощущая слабое покалывание, когда пересекала дымчатые границы второго облика. – Все равно будут бедро восстанавливать и некоторые органы. Вот… заодно… – Тут меня озарило, что химера мог понять фразу «сломать по новой» буквально, ведь у него нет опыта общения с медициной. – Это все лазером сделают! Никто всерьез по тебе кувалдой стучать не станет… Аккуратно лазером распилят, наденут скобы, и все.

– А потом эти скобы вынимать придется? – по-детски капризно уточнил Брендон.

– Нет. – Я с трудом сдержала улыбку.

Мужчины все одинаковые, едва речь заходит о лечении. Не так давно мы всем отделом прыгали с бубенцами и шариками вокруг Алекса, пока ему удаляли аппендицит. Незабываемые два дня! Сначала перед, а потом после операции.

– Они сами рассосутся, материал такой, – пояснила я, продолжая поглаживать Брендона то по двойному лицу, то по львиным лапам.

– Смысла не вижу. И так все хорошо… – буркнул химера, сделав очередную слабую попытку увильнуть от лечения.

– А станет еще лучше! – усмехнулась я. – Болеть не будет.

– Оно и так почти не болит, – тут же проговорился Брендон. – Подумаешь, поноет иногда.

– Не капризничай. – Я ободряюще улыбнулась. – Лучше же, когда вообще ничего не ноет, правда? Это не страшно…

Мальчишки – всегда мальчишки, даже если им уже слегка за двадцать.

– Я не боюсь! Просто смысла не вижу… и дорого, наверное, а я и так тебе уже должен… и…

– Это пойдет бесплатным бонусом, – соврала я, глядя на химеру честнейшим взглядом.

Сама не понимаю, почему мое чувство ответственности так перемкнуло на этом парне, но я очень хотела починить его полностью, раз уж есть такая возможность. Вылечить хотя бы его тело.

– Ладно… Меня опять в какую-то трубу запихают? – с тоской в голосе поинтересовался Брендон, смирившись с неизбежным.

– Нет, – успокоила его я. – Тебя разденут и положат на операционный стол в огромной светлой комнате. А я буду сидеть рядом в страшных черных очках и держать тебя за руку.

– Рекламный агент из тебя никудышный, – громко выдохнув и закрыв глаза, натянуто улыбнулся химера и милостиво согласился: – Но за руку подержи, на всякий случай.

Глава 12. Орловлин подлатанный

Во время подобных операций гораздо удобнее быть пациентом, чем тем, кто его развлекает. По крайней мере я бы предпочла лежать, накачанная обезболивающим по самые уши, и глядеть на мир сквозь пелену дурмана, плохо понимая, что вокруг происходит. А не сидеть, потея под яркими светящимися лампами, стараясь абстрагироваться от двигающихся трубок аппаратов, тихих переговоров врачей и звона опускающихся в железную чашу использованных инструментов. Но главное – не принюхиваться! И не забывать, что ты тут для успокоения пациента, который тоже прислушивается, принюхивается и наверняка прищуривается, несмотря на очки.

Я старалась смотреть на лицо Брендона, хотя глаза непроизвольно косились на грудь. Туда, где орудовал лазерным скальпелем хирург. А сам химера иногда приподнимал голову, чтобы посмотреть на другого врача, стоящего прямо у меня за спиной. Тот тоже был вооружен скальпелем и еще какими-то железными штуками. Именно их звон заставлял меня напрягаться.

Нет, умом-то я понимала, что сейчас тут все трудятся, чтобы сделать моему подопечному хорошо, только волосы на затылке все равно шевелились. Я сжимала во вспотевшей ладони ледяные пальцы химеры, улыбалась и шептала, что операция уже вот-вот завершится. Причем больше для себя, наверное. Потому что Брендон вскоре задремал и только тихо постанывал сквозь зубы.

– Мы закончили, – негромко сообщил мне стоявший напротив хирург через… вечность… но если верить часам на стене – всего лишь спустя двадцать минут. – Теперь надо быстро сделать несколько оборотов. Мы перевезем господина Греймсена в большой зал. Постарайтесь его как можно скорее разбудить.

Я кивнула, встала со стула и почти секунду выгибалась, снимая напряжение в задеревеневшей спине. Потом сняла больничный белый халат и вытерла им лицо. Хорошо, что все лампы отключили и мне было уже не так жарко.

Забрав с собой два пакета, в которых лежали обувь и одежда Брендона, я отправилась сначала в регистратуру, чтобы расплатиться, а уже потом, с проштампованными пропусками, в большой зал, забирать своего химерного подопечного.

Он уже не спал, только смотрел на сидящую рядом с ним медсестру как на врага. И по-моему, не сразу узнал даже меня. Щедро его накачали дурманом, от души.

– Операция прошла успешно, но теперь тебе надо обернуться, – спокойно произнесла я, уверенно улыбнувшись и вообще излучая позитив и надежность. На самом деле я слегка волновалась, потому что мне предстояло впервые увидеть химеру. Настоящую химеру! Не парня, который называет себя грифоном, а самого грифона.

– Пусть все выйдут! Пусть все отсюда выйдут, – глядя мне в глаза, прошептал Брендон.

В его голосе чувствовалась агрессивная паника. Однако я продолжала излучать позитив и уверенно улыбаться.

– Простите, вы же понимаете, это у него от наркоза, – извинилась я перед медсестрой.

Кроме нее, в зале больше никого не было, по крайней мере в реальности. Что мерещилось после такого количества лекарств Брендону, неизвестно.

– Понимаю, конечно, – кивнула женщина и спокойно направилась к выходу. – Они иногда и кидаются, и матерятся. Ваш-то вежливый еще…

– Ага, – непроизвольно усмехнулась я. – Мой вежливый.

М-да, за сутки неизвестно откуда взявшийся парень превратился в «моего», причем где-то на уровне инстинктов. Я его от храмовников очередной раз спасла, в больницу притащила, успокаивала, всю операцию с ним просидела… Так что, учитывая, сколько нервных клеток на него потрачено, конечно, он «мой». И главному жрецу придется в свою колесницу нормальных лошадей запрягать, не выделываясь. Мой вежливый грифон в этот гадюшник обезьяний не вернется!

– Все, тут только я и ты, – сообщила я Брендону, встав рядом с его лежанкой. – Давай, вставай…

Этот ненормальный попытался подскочить, словно он в норме. Причем в обычном состоянии он двигался гораздо плавнее, а сейчас резко дернулся, чуть не упал, сморщился от боли…

Пришлось подхватить, позволяя опереться на свое плечо и стараясь не смотреть на упавшую на пол простыню, которой его заботливо накрыли. В конце концов, ну парень со мной рядом, голый парень… не до этого сейчас!

– Отвернись!

– Да ща-а-аз! – рассердилась я, с трудом удерживая этого внезапно раскомандовавшегося. – Что я, голых парней не видела? Обращайся давай!

– Ты химер не видела! – огрызнулся Брендон, но в глазах у него после моей отповеди прояснилось.

– Вот и давай, удиви меня. – Пару раз вдохнув и выдохнув, я успокоилась и погладила свою внезапную обузу по плечу. – Химер я не видела, тут ты прав. Но зачем мне при этом отворачиваться?

Брендон приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Пошатываясь, медленно отошел от меня на три-четыре шага и…

У него все тело было львиное, а не только передняя часть! И это тело было прекрасно! Солнечно-желтая густая короткая шерсть, длинный хвост, мощные сильные лапы и аккуратный белый треугольник на груди. Вот только вместо шикарной гривы шею украшала орлиная голова с гордым хищным профилем.

Сначала это меня отпугнуло. С точки зрения моей львицы, орлогриф выглядел… странно?.. Как минотавр, например. Чудовище с головой быка на теле человека!

Но спустя минуты две-три, когда я пригляделась и привыкла, явное уродство показалось мне даже красивым. И выжидающе смотрящий на меня немигающим взглядом грифон, заметив это, сразу превратился в самодовольного павлина.

Только вместо хвоста он распушил крылья. Расправил их, опираясь при этом передними лапами о лежанку, и снова недоверчиво покосился в мою сторону.

– Красавец! – искренне выдохнула я. И чтобы Брендон уж точно не сомневался, погладила его по голове. Химера издал интересный звук, схожий одновременно и с птичьим клекотом, и с кошачьим мяуканьем. А потом зафырчал, вибрируя всем телом, как умеют только коты.

Я еще раз провела ладонью по мягким пушистым белым перьям. Это было… приятно. Странно, но приятно.

Грифон был ненамного ниже меня и явно крупнее моей львиной ипостаси. Расправленные почти на ползала темно-коричневые крылья зрительно еще больше увеличивали его размер.

– Ну что, давай еще пару раз туда и обратно – и пойдем отсюда. Я уже даже пропуска оформила! А потом, после работы, отвезу тебя в одно прекрасное место, – с загадочным лицом пообещала я.

Брендон хмыкнул и тут же сменил ипостась на человеческую, потом вновь обернулся в грифона и опять в человека.

Только после этого, игнорируя мой заинтересованный

взгляд, он подошел к мешкам и, вытряхнув содержимое на пол, принялся одеваться. Уже привычно спокойно и лениво-размеренно, словно не выделывался только что передо мной в зверином облике и не психовал до раздвоения ипостасей перед операцией.

Зато, глядя на него, начала нервничать я, потому что моя львица, хищно жмурясь, буквально поставила меня перед фактом: ей нравится запах льва Брендона и она его хочет.

Давно уже у меня такого не было. Чтобы самца выбирала не я, а моя вторая ипостась. И какого самца! Хотя, если задуматься, птичья голова для львицы могла послужить дополнительным привлекающим стимулом. Если верить легендам, те же минотавры были очень популярны среди человеческих женщин. Вот и моя зверюга оказалась падкой на оригинальность…

Не то чтобы я не одобряла ее выбор партнера, просто в сложившейся ситуации для окончательного запутывания мне только переспать с Брендоном не хватало!

Глава 13. Невеселый повод для веселья

Когда мы вышли из больницы, уже стемнело, но я все равно упрямо поехала на работу, чтобы почитать отчет Эдика. Сам он, скорее всего, уже сбежал домой, потому что рабочий день давно закончился.

В кабинете нас поджидал лишь Алекс.

– Решил передать все лично, из рук в руки, – подмигнул он мне, протягивая отчет Эдика.

– Что-то интересное? – Я специально положила папку на стол и выжидающе уставилась на блондинистого интригана.

– Сдаюсь! Хочу посмотреть на твое выражение лица, когда ты это прочтешь, – рассмеялся он. – Давай, не томи ни себя, ни меня.

Оба парня, Брендон и Алекс, смотрели на меня, а я медленно, нарочно очень медленно достала из прозрачной папки листы, исписанные крупным кривовато-дрожащим почерком Эдика.

Госпожа Антельсмейн завещала все свое состояние своим детям в равных долях. В случае смерти наследников первой очереди их доля так же, в равных долях, переходит к наследникам второй очереди, а в случае смерти оных – к наследникам третьей очереди. Если же даже наследники третьей очереди отсутствовали, то их доля наследства переходила к родственникам другой ветви наследования.

– Переведешь? – Брендон, усевшись на стул напротив меня, весь буквально схмурился, пытаясь продраться через зачитываемый мною вслух текст завещания, снимок которого прилагался к отчету Эдика. Или тайком сделал, или сильно нотариуса папой пуганул… неважно. Главное – молодец, справился. Надо будет похвалить завтра.

– Суть в том, что если бы были живы дети невинноубиенной бабули, то все ее наследство перешло бы к ним, распиленное строго пополам, – решил вместо меня прояснить ситуацию Алекс. – Так как и дочь, и сын госпожи Антель-

смейн благополучно скончались, следующими наследниками становятся их дети, затем – внуки. Если по одной линии наследников не найдется, то полагающаяся им половина переходит наследникам другой линии.

– То есть все из-за денег? – сделал логичный вывод потенциальный наследник. – Все сбережения той старушки перейдут к ее внуку, против которого у вас нет никаких улик?

– Шаришь! – одобрительно хмыкнул Алекс, от души хлопнув Брендона по спине. – И поздравляю, ты снова подозреваемый, потому что там столько сбережений, что можно полхрама выкупить точно. Сразу вместе с храмовниками! А ты у нас как раз недостающее звено!

И Алекс жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, вытащил из сваленных у меня на столе бумаг копию свидетельства о рождении нашего химеры, к которому скрепкой были приколоты распечатки со сведениями о найденных родственниках.

Желтым маркером кто-то, скорее всего Изильда, обвел в круг имя и фамилию матери, а потом имя и фамилию ее матери, в девичестве Антельсмейн.

– Мышь мне поперек глотки, – недовольно буркнула я. Злясь скорее из чувства противоречия. Потому что с профессиональной точки зрения Алекс был совершенно прав. В нашей работе бывало всякое. Милый затираненный храмом Брендон вполне мог сговориться со своим дядей, сообща грохнуть несчастную бабку и свидетелей, запутать след-

ствие орудием убийства и…

– Нет, – решительно затормозила я собственную паранойю. – Он был одурманен, а не оглушен. Точно рассчитать дозу, чтобы перед нашим появлением потерять сознание, а потом резко прийти в себя, конечно, можно… Только зачем такие сложности? И убийство произошло буквально за минуты до нашего появления. Нет, мне кажется, мы спугнули настоящего убийцу. – Я еще раз укоризненно посмотрела на завещание. Неужели старушка, у которой вся родня – преступники, могла оказаться настолько наивной и верила, что распил наследства пройдет честно и без жертв?

– Думаю, по плану Брендона должны были тоже убить. – Закусив нижнюю губу, я уставилась в окно.

Вечер плавно переходил в ночь. Похоже, сегодня прогуляться не получится. Что ж, значит, перенесем все веселье на завтра, а сегодня просто посидим, выпьем зеленого чая, закажем пирожных. Повод для празднования есть, да еще какой!

– Вы определитесь, преступник я или жертва. – Химера, по-моему еще не осознавший, что внезапно превратился в богатого наследника, недовольно хмыкнул.

– А с этим порой даже в суде ошибаются. – Алекс снова похлопал Брендона по плечу. – Так что мы будем исходить из имеющихся фактов и собственной интуиции. – Тут он тряхнул своими блондинистыми кудрями, а зеленые глаза проказливо сверкнули. – Думаю, если бы Марта хотя бы на

десять процентов подозревала, что ты – хитрый злодей, провернувший убийство собственной прабабки, то уже заперла бы тебя в камере. А вместо этого сидит себе спокойно, планы на вечер строит…

Ясно. Почуял интерес моей львицы к грифону и решил развлечься. Мстит за мои шутки над ним и Изильдой, зараза!

Я на этот выпад лишь усмехнулась, убрала все документы обратно в папку, встала из-за стола и, подхватив Брендона под локоть, потащила за собой прочь из отдела.

– Да, у меня впереди прекрасный вечер в приятном обществе, суши перекусим, кино посмотрим, – поддразнила я Алекса. – А ты будешь сестер развлекать!

– Какое злое зло я тебе сделал? – обиженно протянул несчастный парень, глядя своими невинными большими глазищами прямо мне в душу.

– Никакого. – Я решила превратиться в добрую фею и предложила: – Так и быть, звони Изильде, поедем в наш любимый ресторанчик, покутим немного.

Алекс помчался в ресторан на аэромоте, а мы с Брендоном чинно уселись в мой аэромобиль. Вот только едва мы отъехали от здания бюро, химера, по-птичьи склонив голову набок, уставился на меня. Вокруг его сероватой с желтизной радужки появилась тонкая черная окантовка.

– Слушай, я не то чтобы совсем тупой, – попытался пошутить парень. – Просто хочу кое-что для себя прояснить. Наследство передается по цепочке, сначала детям той пожи-

лой женщины, потом ее внукам и только затем – правнукам, если никого из внуков не осталось, верно?

– Если есть представитель более старшего поколения, то ему. Если бы у твоей матери были братья или сестры, то, даже если бы у них были дети, все равно всю полагающуюся вам часть разделили бы между тобой и ими…

Где-то на середине фразы я, кажется, поняла, к чему Брендон завел этот разговор. И он почти сразу подтвердил мои мысли:

– То есть моя мать… умерла, да?

Вот за что Бастет с таким усердием испытывает мое чувство такта, которого у меня почти нет?! Как мне надо отреагировать на этот вопрос?! Выразить соболезнования? Так он двадцать лет жил без матери и дальше бы жил, не зная, жива она или мертва. Или все дело в вере? Брендон верил, что когда-нибудь сможет поговорить с женщиной, отдавшей его в храм, и спросить, почему она так поступила. Узнать, простить, понять… Но ничего не получится – эта женщина, тоже химера, умерла два года назад, во время очередных родов. Ребенок не выжил. Кто отец – неизвестно. Может быть, тот же, что и у Брендона, а может быть, кто-то другой. Все же двадцать один год прошел между беременностями. А вот бабуля у Брендона, та самая сбежавшая дочь госпожи Антельсмейн, скончалась от переизбытка наркоты в организме всего пару месяцев назад. Очень, кстати, вовремя…

Встретившись взглядом с терпеливо ожидающим моего

ответа Брендоном, я снова помянула Бастет, пусть ей аукается! А потом с трудом промямлила:

– Да… соболезную, но… два года назад ее не стало. Отец вроде бы до сих пор жив.

– Вряд ли он мне обрадуется, – невесело усмехнулся парень и отвернулся, уставившись в окно. Впереди сверкал яркой неоновой вывеской наш любимый ресторан, вот только настроение веселиться у меня как-то резко пропало.

Глава 14. Традиционные игры

Конечно, прямо сразу с разворота уезжать было нечестно. Все же для приличия следовало немного посидеть и подождать, пока Алексу и Изильде станет не до нас с Брендоном.

Их странные отношения тянулись уже больше года. Они с радостью встречались друг с другом вне службы, но только если эти свидания происходили якобы случайно. Иногда Алекс, провожая девушку, оставался у нее ночевать. Эти счастливые для них ночи легко можно было вычислить, даже не будучи оборотнем с чутким нюхом и встроенным датчиком на взаимное притяжение. Парочка тогда светилась весь день, и число «случайных» прикосновений между ними возрастало в два, а то и в три раза. Но вместо того, чтобы следующим вечером просто уехать вместе, они опять начинали смотреть друг на друга голодными глазами, пытаясь подстроить очередную случайную встречу. Порой на это уходила неделя, а иногда и больше.

Конечно, я подшучивала над Алексом, потому что мы с

ним были в более свободно-дружеских отношениях, чем с Изильдой. Но даже моего минимального чувства такта хватало, чтобы не лезть с выяснениями, с чего вдруг, мышь им поперек глотки, такая странная конспирация между двумя влюбленными друг в друга оборотнями?

Так что я просто старалась почаще создавать им случайные поводы для встреч, вот и все.

Меню этого ресторана я знала наизусть, как и Алекс. А вот Брендону модные красивые названия блюд ни о чем не говорили. Поэтому я просто уточнила, что он хочет – рыбу, птицу или мясо – и что предпочитает на гарнир. Исходя из этого, сама сделала выбор, чтобы не заставлять парня безнадежно долго бродить по интерактивному списку, высвечивающемуся на столе рядом с каждым из нас.

Брендону, правда, понравилось изучать состав каждого блюда. Возможно, это его отвлекало от невеселых мыслей о матери. Мой выбор он тут же проверил, набрав в поиске названия и изучив, что под ними подразумевается. Одобрительно покивал, но суп решил заменить.

– Я буду его, – уверенно ткнул он в ядреную смесь тимьяна, лука и чеснока, приправленную картошкой и говядиной. – Уж очень аппетитно выглядит на фото, – попытался объяснить парень свое решение. Но, подумав, добавил: – А еще я к тимьяну привык, его нам везде подсыпали. Даже чай с ним заваривали.

Согласно кивнув, я проследила, чтобы Брендон правильно оформил заказ, отметив выбранные блюда галочкой и потом отсортировав в желаемом порядке, выставив чай первым.

– Пить очень хочу, – признался он. А я мысленно залепила себе подзатыльник. После наркоза всегда очень хочется пить, как я могла забыть об этом?

– И чего молчал? – раздраженно буркнула в ответ. Хотя злилась больше на себя, конечно. – Если что-то хочешь, говори сразу, не стесняйся, – сгладила я свою грубость более спокойным пояснением.

После моих слов оба парня как-то странно на меня покосились, потом переглянулись, хмыкнули и снова уткнулись каждый в свое – один в мобильный, а второй в меню, изучать, что тут еще есть поесть.

– Уф, выехала! – обрадовал нас минут через пять Алекс. – Чего пить будем?

– Мы с Брендоном чай, – объявила я, решив сразу за двоих. – Ему врачи спиртное запретили, а я из солидарности. – И кратко пересказала наши приключения в храме.

– Теперь ясно, почему нам из храма копии документов так быстро переслали, стоило Изильде заикнуться, что она готова сама за ними заглянуть, – рассмеялся Алекс. – Ты там всех обезьян запугала…

– Угу. И ведь ехала как раз за документами, – усмехнулась

я. – Но ничего, завтра намекну их главному павиану. Обязательно вытащу наглого хмыря на допрос. И пусть с собой оригиналы захватит. А то копия свидетельства – это, конечно, здорово, но Брендону для дальнейшей жизни и гражданский паспорт, и государственная медицинская страховка, и аттестат об образовании понадобятся.

– Ну ты разогналась! – Алекс снова засмеялся, да так заразительно, что не только мы с Брендоном, но даже сидящие за соседними столиками заулыбались. – Вряд ли они кого-то страховали…

– Что ж, прекрасный повод натравить на них налоговую службу, – оживилась я. Душа просила натворить храму побольше гадостей.

Судя по заинтересованному взгляду Брендона, его душа требовала того же.

– Обвинять в групповом нападении не будете? – естественно, этот вопрос Алекс задал чисто из приличия.

Потому что подавать заявление против храма должен был бы пострадавший, а грифон даже на предложение зафиксировать побои так сморщился, словно я ему лимон целиком в рот положила.

Доказывать в суде, что была попытка провокации сотрудника полиции, тоже дело бесперспективное, когда речь идет о служителях культа. Сразу начнут вопить об ущемлении прав верующих, причем меньшинства, так как этому их Отхурону, богу обезьян, молятся же только обезьяны… наде-

юсь. Вряд ли хоть кто-то из кошачьих в здравом уме переметнется от красавицы Бастет к обезьяньему божку!

Поэтому, покосившись на химеру, цедящего свой странный чай, я лишь отрицательно помотала головой. Не будем мы никого обвинять в групповом нападении. Но и безнаказанно такое оставлять нельзя. Обязательно надо что-то придумать… в рамках закона, конечно.

Благодаря разнообразию отвлекающих факторов, грифон более-менее оживился, расслабился и решил временно отложить переживания о матери. Ну и я в знакомом месте рядом с умиротворенно-довольным Алексом постепенно выдохнула.

Да, жаль, что Брендону не суждено поговорить с женщиной, которая предпочла отдать его в храм, вместо того чтобы растить самой, но, возможно, у нее были уважительные причины. Она сама была химерой, так что прекрасно знала, с какими трудностями может столкнуться ее сын.

– Привет! – Изильда, плавно покачивая бедрами, буквально подплыла к нашему столику и, почти не взглянув на своего парня, уселась с ним рядом.

– Я уже все заказал, – негромко промурлыкал Алекс, приобнимая девушку за талию. – Даже твое любимое шампанское.

– А по какому случаю праздник? – Изильда не стала вырываться из объятий, но и выказывать какие-то знаки вни-

мания тоже не спешила. Это тоже входило в их постоянные правила игры. Алекс должен был какое-то время покрутиться, ухаживая за тигрицей, а та старательно делала вид, что ничего не замечает. Причем я-то знала, что девушка достаточно сильно увлечена красавцем-барсом и загрызет любую, кто посмеет на него покуситься.

– Знаешь, прозвучит странно, но мы тут отмечаем смерть всех моих родственников. Ведь благодаря этому я из нищего голодранца, обманутого храмовниками, смогу превратиться во вполне обеспеченного гражданина Фелинии, – Брендон произнес это как-то уж слишком отстраненно. И преподнес все слегка вывернуто. Хотя на самом деле так оно и было. – Я никого из своих родных не знал, и повода печалиться у меня вроде бы нет, – продолжил грифон, словно не замечая повисшего над столиком смущенно-напряженного молчания. – Просто это так странно… Прожить столько лет в храме, как никому не нужный подкидыш, и вдруг узнать, что у тебя были прабабушка, бабушка, мать… Где-то есть отец. И даже двоюродный дядя. Правда, я не уверен, что он будет рад знакомству со мной, ведь мне перейдет половина его наследства. – Медленно сглотнув, парень посмотрел сначала на меня, затем на сидящих напротив Алекса и Изильду и виновато улыбнулся. – Давайте мы сначала помянем мою маму, потому что ее я, в отличие от всех остальных родственников, хотя бы смутно помню. А потом уже будем радоваться, что я вот-вот стану полноценным членом общества. Обещаю, что буду

хорошим мальчиком, – искренне глядя мне в глаза, произнес Брендон и снова улыбнулся, уже не виновато, а иначе. Почти соблазнительно, если бы не напряженная атмосфера вокруг, которую он сам же и создал.

– Хорошая мысль, правильная! – одобрительно кивнул Алекс. – Значит, сначала всем коньяк… И молодец, что не стал держать в себе! Мы тут все с профессиональным искривлением мозга, для нас смерть – почти обыденность. Конечно, когда речь идет не о наших близких.

– Я сам не ожидал, что меня так зацепит. – Брендон вроде бы говорил всем, но смотрел при этом на меня, словно оправдывался. – И портить вам вечер мне совсем не хочется. Мы с ребятами всякий раз поминали тех, кого храмовники отпускали на свободу, и нам становилось легче. Думаю, и сейчас должно сработать.

Глава 15. И хочется, и колется

Коньяк Брендон выпил залпом, правда, предварительно я настояла на бутерброде с тонким куском копченой говядины, так как внезапно вспомнила, что после обеда кое-кто вообще ничего не ел.

И после того как химера выпил первую стопку, на всякий случай приготовилась строгим властным тоном запретить вторую. Мало ли, вдруг мне достался грифон с алкогольной зависимостью?

Одну, учитывая ситуацию и выбирая между физиологическим и психическим здоровьем, можно, а вот две и боль-

ше – перебор.

Но Брендон, посидев полминуты с закрытыми глазами, глубоко выдохнул и попытался улыбнуться:

– Вроде бы помогло. Только теперь очень есть хочется!

Хорошо быть постоянными клиентами. Наш заказ собрали явно в обход основной очереди, потому что принесли почти сразу.

Убедившись, что Брендону и правда стало легче, мы постепенно тоже расслабились. И как всегда, как бы ни старались вначале поддерживать светскую беседу, в конце концов разговор свернул на тему работы.

– Кстати! Ты видела отчет экспертов по отпечаткам пальцев? – внезапно вспомнила Изильда. – Один из трех храмовников – одновременно один из трех грабителей ювелирных магазинов, представляешь?!

– Неудивительно, что мы так долго не могли их вычислить. – У меня внутри сразу заполыхала жажда деятельности, вот только за окном уже была ночь. Так что придется потерпеть до утра. – Наверняка два других как раз и есть его подельники.

– Без улик не докажем, – горестно вздохнул Алекс. – У нас даже оружие разное. Парня в магазине грохнули пулей почти одиннадцать миллиметров в диаметре, а храмовников расстреляли девятимиллиметровыми.

«Парень в магазине» – это тот самый сын богатого чинуши, которого грабители пристрелили. Единственный труп

в череде ограблений ювелирных магазинов, после которого это дело и перешло к нам. И получается, мы его практически закрыли, совершенно внезапно. Правда, как в хорошей драме: «А в конце все умерли!» И старушка, скорее всего наводчица, и сами грабители. Ну а нам теперь придется как-то доказать, что три и три – это не совпадение. И выяснять, что это вообще было и кто кого зачем убил.

– Даже если одного притянем за отпечатки, уже хорошо. – Я покосилась на внимательно наблюдающего за нами Брендона. Не то чтобы у меня опять проснулась паранойя, просто как-то уж очень быстро этот парень стал для нас своим. Может быть, сработал инстинкт спасителей? В любом случае как-то мы непозволительно расслабились, а дело-то пока еще не закрыто. Оба дела! И с грабежами, и с убийствами.

К тому же сейчас уже очень поздно, а завтра надо будет рано вставать, допрашивать главного жреца, предъявлять нотариусу еще одного наследника…

– Ладно, с вами хорошо, но в кровати теплее. – Я подмигнула Алексу и с ехидством пожелала ребятам спокойной ночи. Подождала, пока Брендон тоже с ними попрощается…

– Рулить будет автопилот, – зевая, объявила я. – Так что главное – не заснуть в дороге.

– Спи, я тебя донесу, если что, – успокоил меня Брендон. В его словах не было ни грамма сексуального подтекста, будничная констатация факта. Вот только он и переспать предлагал примерно с такой же интонацией. Однако если от секса

из благодарности я отказалась, то прокатиться на руках симпатичного парня от машины до двери квартиры согласилась с удовольствием.

Брендон подхватил меня совершенно не напрягаясь, словно я была пушинкой. Естественно, я инстинктивно обхватила его за шею. Наши взгляды на пару секунд встретились, химера едва заметно улыбнулся, но даже не попытался поцеловать. Хотя я видела… чувствовала… ощущала сразу двумя своими сущностями, как ему этого хочется! Он даже губы облизал, точь-в-точь как Алекс, когда смотрит на Изильду и думает, что та его не видит.

Когда мы вошли в дом, Брендон поставил меня на пол, чуть наклонился, так как был на голову выше меня, и замер, словно ждал чего-то. Только спустя секунд десять я сообразила, что тоже застыла, продолжая обнимать его за шею.

Непринужденно улыбнувшись, я убрала руки и кивнула в сторону гостевой комнаты:

– Ну, ты уже все там знаешь… Пойду в душ и спать.

Под душем мне пришлось постоять подольше, успокаивая бушующую во мне неудовлетворенную львицу. Ей было плевать на все сложности, о которые я спотыкалась человеком. Конечно, можно было пойти у нее на поводу, замутить секс на одну-две ночи, а потом, когда у Брендона все наладится, спокойно расстаться. Вот только я не считала это удачным решением.

Для таких отношений нужен кто-то равный по положе-

нию, а не освобожденный из храма парень, еще до конца не адаптировавшийся в нормальном обществе. Химере сейчас нужен не партнер для секса, а друг, готовый его поддержать и помочь советом, а порой и чем-то посущественнее. Например, отвезти в больницу. Раз уж я взяла на себя роль его няньки, значит, придется наступить на горло своим сексуальным желаниям и продержаться хотя бы пару месяцев.

Самое сложное в том, что, получив полагающееся ему наследство, первое время Брендон станет нуждаться в опекуне и друге еще больше, чем сейчас. Не знаю, как старушка Антельсмейн сумела накопить указанную в бумагах сумму, но даже половина от нее – это внушительное состояние, на которое можно будет безбедно жить достаточно долго. А если удачно вложить его в какие-нибудь акции, то еще и детям останется. Но можно будет прокутить все за год и остаться ни с чем…

Я искренне разделяла раздражение львицы на так не вовремя проснувшееся во мне чувство ответственности. Вот только усыпить его обратно никак не удавалось. Мы в ответе за тех, кого спасли, и все тут!

После душа, крутясь в кровати, я никак не могла уснуть. Стоило закрыть глаза, как я видела или улыбающееся лицо Брендона, особенно его манящие губы, или всего Брендона целиком, почти полностью раздетого.

Вспоминала его голос, его запах… Сегодня утром он пах моим шампунем и гелем для душа, вечером – больницей. А

пока он нес меня на руках, я ощущала терпко-пряный дурманящий аромат тимьяна.

Ужасно хотелось прокрасться в гостевую комнату и воспользоваться щедрым предложением химеры. Я уже почти перестала понимать, почему этого нельзя делать. Для меня секс на одну-две ночи – норма, для Брендона тоже. Вместо того чтобы страдать от неудовлетворенности, мы оба получим удовольствие. А потом, когда нам все это надоест, легко расстанемся… или не легко? Обычно никаких проблем с расставанием у меня не было, с некоторыми парнями я до сих пор общалась. Ровно, спокойно, без обид, словно ничего и не было. Получается, что я просто не хочу, чтобы с Брендоном все вышло точно так же?

И что, теперь мне каждую ночь так мучиться?!

Глава 16. Добро порождает добро, день третий

Утром я была злая и невыспавшаяся. Правда, пока пила кофе и намазывала на свежеиспеченные вафли абрикосовый джем, который, оказывается, тоже водился в моем холодильнике, настроение у меня слегка улучшилось.

А в машине, вспомнив, что мне сегодня предстоит допросить главного жреца, обрадовать его фактом наличия в храме грабителей и припугнуть налоговой, я даже принялась насвистывать веселенький мотивчик.

Отвратительно бодрый Брендон покосился на меня сначала с подозрением, а потом улыбнулся:

– Ну вот, теперь тебе не страшно пожелать доброго утра.

– А до этого страшно было? – Я тоже улыбнулась. От химеры опять вкусно пахло моим гелем для тела, и от этого он казался ближе и роднее, словно я его этим гелем пометила как своего. И про затраченные вчера нервные клетки не стоило забывать. Это тоже связывает, гораздо крепче, чем банальный секс.

– У тебя был очень грозный взгляд, – рассмеялся Брендон. – Надо будет сегодня закупить еще полуфабрикатов для вафель. Они обладают секретным целебным свойством.

Оставшуюся часть пути мы шутили и придумывали, что еще надо купить, чтобы мое утро было благостным, а я сама – радостной. Планировать совместные закупки оказалось довольно забавно.

В кабинете уже сидели и синхронно зевали Алекс и Изильда. Похоже, из всего отдела выспался только Эдик, потому что он объявился с опозданием на целый час. Но для него это было нормой, так что я не стала ругаться. Мало того, даже вспомнила, что собиралась его похвалить за успешно выполненное задание.

Правда, у парня после моих похвал стало ужасно растерянное выражение лица, но в глазах засветился энтузиазм, и я решила им воспользоваться.

– Спустись на третий, в отдел по борьбе с налоговыми преступлениями, и попроси их по-быстрому проверить наш драгоценный храм. Особенно страховки жрецов и приживалов, – именно так в официальных документах назывались

все живущие в храме химеры. Приживалы. – И потом пулей с отчетом обратно, мне для допроса надо. Добудешь что-то интересное и быстро – разрешу поучаствовать.

Эдик любил присутствовать на допросах, но участвовать ему еще ни разу не приходилось. Так что, радостно кивнув, он умчался к налоговикам, пока я не передумала.

– Какая ты сегодня подозрительно добрая, – усмехнулась Изильда, покосившись на удобно устроившегося на диване Брендона.

– Меня второй день кормят вафлями по утрам, – загадочным тоном призналась я.

– Да ладно?! – Глаза девушки восторженно заблестели, а прислушивающийся к нашему разговору Алекс с удивлением уточнил:

– Еще скажи, что он выкопал вафельницу, которую я тебе подарил…

– Угу, выкопал, – лениво протянул с дивана Брендон. – Она не так уж и далеко была закопана.

– Чудеса! – с ехидством протянул Алекс. – На следующий день рожденья пароварку подарю!

– Лучше йогуртницу, – пробурчала я и широко зевнула, едва успев прикрыть рот.

Потом мы все закопались в бумаги, пользуясь временным затишьем. Правда, оно оказалось недолгим.

– В двух кварталах от места преступления нашли беретту, – обрадовала нас Изильда, переговорив с кем-то по ста-

ционару. – Не хватает трех патронов. – Тут девушка покосилась на Брендона и добавила: – Только сделано было четыре выстрела, просто последний – осечка.

У беретты девятимиллиметровый калибр. Конечно, она и вальтер – самое популярное оружие среди полицейских и преступников, но уж очень богатый улов совпадений. И близость к месту убийства, и отсутствие трех патронов.

– Отправили экспертам? – Вначале во мне проснулся полицейский, жаждущий большей конкретики: отпечатков пальцев, сравнения следов выстрелов на пулях и гильзах, анализа динамики вылета пули и других подробностей.

А потом я осознала упоминание об осечке и тоже посмотрела на Брендона, который продолжал с невозмутимым лицом лежать на диване, положив голову на валик, и читать что-то с моей электронной читалки.

– Ты вчера прямо как в кофейную гущу смотрела, – хмыкнул Алекс. – Похоже, мы спугнули убийцу.

– Так, давайте попытаемся восстановить действия всех пострадавших, начиная с того момента, как Эдик упустил бабку, рванувшую прочь при виде аэробуса с обезьянами…

Не успела я выдать ребятам задание, как зазвонил мой мобильный. Начальство. Нюхом чую, что не о премии сообщить хочет.

– Поздравляю, у нас свеженький труп, – переговорив, обрадовала я всех. – Зять владельца «Кёж Чёмита».

Алекс выразительно присвистнул, Изильда негромко ох-

нула, а влетевший в эту минуту в кабинет Эдик так и замер в дверях:

– Я ж с ним в прошлое воскресенье виделся, на выставке! Они с Ларой собирались участвовать в благотворительном аукционе…

– Так, про выставку – это важно. Надо будет сразу уточнить, купили ли они что-нибудь, вдруг это всего лишь ограбление. – Я даже не скрывала надежду в голосе. Когда речь идет о таких людях, как владелец «Кёж Чёмита», одной из крупнейших компаний по производству топлива для аэротехники, убийство во время ограбления – это просто мечта. Но скорее всего, там замешаны деньги, власть, страсть… и прочие атрибуты роскошной светской жизни. – Как дела с налоговиками? – Несмотря на расстройство, я вспомнила, зачем отправляла Эдика.

– Вот! – Парень выложил мне на стол папку с распечатками. – У них упрощенное налогообложение, проверка была в прошлом году. У всех жрецов есть медицинские страховки на самый необходимый минимум. Не придраться. За содержание животных тоже все налоги выплачены. Можно задействовать медиков и ветеринаров, но, скорее всего, они ничего не найдут. А вот с приживалами их прижмут. – Эдик довольно заулыбался. Конечно, он был избалованный, капризный, ленивый, но добро со злом старался не путать. И нашу искреннюю ненависть к храмовникам полностью разделял. – Они их как животных страховали! – И Эдик со снисходи-

тельным сочувствием покосился на Брендона.

Конечно, мышь ему поперек глотки, он же породистый котик-аристокотик, а валяющийся на диване парень – безродный химера, да еще и застрахованный как животное.

И пусть умом я прекрасно понимала, что это нормальное поведение для большинства оборотней, все равно с трудом сдержалась, чтобы не рыкнуть раздраженно на сияющего от гордости сотрудника.

А ведь мне, раз он знаком с семьей убитого, придется взять его с собой. С условно равным эти аристократические занозы в нашей заднице скорее разговорятся.

Я посмотрела на часы, прикинула, что павиан уже, скорее всего, выехал к нам. Можно было, конечно, позвонить и перенести время допроса, но тогда я потом получу по загривку от начальства. Все же не абы кого, а главного жреца целого храма от дел оторвали.

– Так, выбирай. Хочешь – оставайся с Изильдой, поучаствуешь в допросе, как я и обещала, – говоря это, я постаралась не встречаться с тигрицей взглядом. Хотя все равно прекрасно ощущала ее возмущение от такого внезапного подарочка. – Но на опросе свидетелей ты будешь нужнее. Заодно выразишь соболезнования жене. Как там ее зовут?

– Лара, – пробормотал Эдик, явно растерянный оттого, что ему предоставили выбор. Обычно я просто приказывала ему ехать со мной, если речь шла о его знакомых. Но тут он второй день прямо из шкуры вылезает, стараясь идеаль-

но выполнять мои поручения. Так почему бы не поощрить котика?

К тому же я даже не сомневалась в его решении. Ведь я сказала волшебное слово «нужнее», а оно безотказно действует почти на всех, даже на избалованных Эдиков.

Глава 17. Трудности следствия

Убитый, Арман Зейсен, жил вместе женой и ее семьей, точнее с одним тестем. Тем самым владельцем «Кёж Чёмит Корпорейшн».

– Господин Чёмит пять лет назад развелся. Но госпожа Чёмит была лишь мачехой Лары. А с родной матерью дело темное, то ли умерла, то ли сбежала, – просвещал меня Эдик, пока мы ехали на место преступления. – Лара – единственная дочь и наследница всего состояния. Армана она сама из предложенных отцом женихов в прошлом году выбрала. Тоже дело темное, зачем такая спешка со свадьбой, но поженились они почти сразу, даже месяца не подождали.

Эдик уселся со мной на переднее сиденье, поэтому Брендону пришлось устроиться сразу за мной. Я решила взять его с собой, потому что неизвестно, насколько все тут может затянуться. Может быть, придется повозиться до позднего вечера, и тогда мне будет удобнее сразу поехать домой, а не возвращаться за своим химерой. Да и ребятам не придется сидеть допоздна, поджидая меня, чтобы не оставлять постороннего в кабинете, набитом секретной информацией.

Эдик, правда, косился на Брендона с неодобрительным

пренебрежением, но высказывать свои мысли вслух не рискнул.

Особняк господина Чёмита ничем особенно не выделялся из череды соседних домов. Обычный трехэтажный домик с бассейном, небольшим парком и гаражом на восемь машин. Если честно, я ожидала чего-то более роскошного – мини-дворца из мрамора, с хрустальными люстрами, мебелью из красного дерева и лепниной под потолком. Или, наоборот, дизайна в стиле техно, царство прогресса. Может быть, внутри там все так и есть?

Мы дождались, пока приоткроется матовый защитный купол, огораживающий небольшую для магната такого уровня территорию, и припарковались на площадке, приподнятой метра на четыре, чтобы гостевые аэромобили не мешали прогуливаться по дорожкам.

На одной из них нас уже ждал одетый в черный костюм мужчина лет так тридцати пяти – сорока.

– Дворецкий, – шепотом проинформировал меня Эдик.

Мы прошли мимо бассейна, наполненного чистой голубой водой. Я инстинктивно поежилась и запахнула ветровку. Не понимаю любителей купаться весной, пусть даже там вода с ультраобогревом, все равно же потом придется вылезать на берег, в мокром купальнике… Спаси меня Бастет от такого удовольствия!

Дом выглядел огромным светлым пятном на зеленом фоне. Бежевые стены и белые перила, огораживающие и широ-

кую веранду на первом этаже, и огромный, объединяющий все комнаты балкон на втором, и террасу, занимающую большую часть третьего этажа.

Но в целом все вокруг намекало на наличие вкуса и отсутствие желания активно выделиться. Интересно, это сам хозяин все продумывал или его бывшая жена?

– Красиво, – негромко выдохнул идущий за мной следом Брендон. – Лесом пахнет!

Вокруг действительно пахло лесом, парк окружал дом с трех сторон. Но мы сюда приехали убийство раскрывать, а не природой наслаждаться. Так что я вошла в дом следом за дворецким. Заодно оценив, что Эдик не стал врываться впереди меня, соблюдал служебный этикет, хотя был здесь постоянным гостем. Даже вежливо приоткрыл дверь. Правда, только мне. Странно, что он вообще не захлопнул ее перед Брендоном!

– Тело господина Армана нашли в его кабинете, – сообщил дворецкий, пока мы поднимались на второй этаж. – В это время господин Сагор вместе со своим гостем были на первом этаже, а госпожа Лара сидела на террасе, ожидая подруг. С ней все время была ее компаньонка, Агата.

– Чувствуется, что подготовились, – хмыкнула я, заходя в кабинет. – Значит, двое потенциальных подозреваемых на первом, двое на третьем, а вы где были? – И я в упор уставилась на дворецкого. Эдик напряженно притих, стараясь не приближаться к телу, лежащему в центре огромной комна-

ты. Обычных полицейских сюда не пустили, но уже вот-вот должны были приехать эксперты из бюро.

– Странно, стреляли в затылок, – произнес Брендон, присев рядом с трупом и внимательно его разглядывая, не прикасаясь руками. Только ребята из экспертного все равно будут ругаться, что мы им все следы затоптали…

– Я находился у входной двери, ожидая подруг госпожи Лары. Ральф прислуживал господину Сагору. Остальные слуги были отпущены до вечера, так как все хозяева собирались покинуть дом и отправиться на прием. Теперь они очень расстроены…

Я даже не стала вслушиваться, куда именно планировали все уехать. Сейчас это не имело значения. А вот выстрел в затылок – это действительно важно. Конечно, еще надо выяснить, откуда стреляли. Но обычно мы поворачиваемся спиной лишь к тем, в ком не видим угрозы. Некоторые звериные инстинкты неискоренимы. А подкрасться и напасть со спины любят почти все хищники.

– Так, быстро испаряемся! – В комнату, в сопровождении растерянного пожилого мужчины, влетела бригада экспертов. – Кто топтался у трупа?! Уши оторву, хвост вырву, когти кусачками откушу… Кыш отсюда!

Я помахала рукой начальнику бригады и, подхватив их проводника под руку, потащила за собой в коридор.

– Вы Ральф, верно? Это вы прислуживали господину Сагору и его гостю? Скажите, кто-то из них выходил хотя бы

минут на пять? В туалет? Или полюбоваться бассейном? Или еще зачем-нибудь? За документами, например?

Старик, растерявшийся от такого напора, задумался, вспоминая. Но тут влез дворецкий, которого Эдику не удалось нейтрализовать:

– Любоваться бассейном никто не выходил, и по лестнице никто не поднимался и не спускался. Я бы заметил, так как стоял в дверях. А туалет у нас есть на каждом этаже.

– Благодарю, – процедила я. Мышь им тут всем поперек глотки! Мало того, что самой приходится заниматься допросом свидетелей, так мне еще активно мешают это делать. – А теперь выделите мне комнату, где я смогу побеседовать с каждым из слуг отдельно, без вашего контроля. В доме произошло убийство, а вы мешаете следствию, пытаясь защитить своих хозяев, которых я пока еще… – ух, с каким удовольствием я выделила последние два слова! – ни в чем не обвиняю. Но ваша настойчивость выглядит очень подозрительно!

Дворецкий надулся и заткнулся. Только свое дело он уже сделал. Ральф отчаянно замотал головой и затвердил, как дрессированный попугайчик:

– Не выходили никуда. Никуда не выходили. Никто никуда не выходил.

– Угу, так все и сидели в комнате, забаррикадировавшись, – рассердилась я окончательно. И, повернувшись к дворецкому, объявила: – Знаете, я передумала, позовите сю-

да еще и эту… компаньонку и принесите три листа бумаги и три ручки. Поиграем в школу. Будем писать сочинение «Как я провел последние два часа». И спаси вас тут всех Бастет, если я обнаружу расхождения! Привлеку за воспрепятствование следствию, ясно?!

Глава 18. Информация легко не дается

Рассадив компаньонку, слугу и дворецкого за большим столом в одной из соседних с кабинетом комнат, сама с видом суровой учительницы плюхнулась в кресло и уставилась на эту троицу. Расположила я их так, чтобы они не смогли списать друг у друга. Обещала же, что будем играть в школу, вот и пусть ностальгируют.

Эдик был отправлен под дверь к экспертам, чтобы свистнуть сразу, как только они закончат, а Брендона я назначила межкомнатным гонцом. И для начала выдала ему записку, в которой просила уточнить примерное время смерти, по мнению нашего патологоанатома.

– Итак, начнем. Описывайте происходящее с вами с десяти утра и до двенадцати дня. Подробно!

Раз меня вызвали примерно в половину первого, как раз перед обедом, мышь им поперек глотки, значит, тело обнаружили чуть раньше, но не позже двенадцати. Так что, надеюсь, интервала в два часа должно хватить.

– Обязательно уточните, что вы видели, что слышали, когда именно узнали, что Арман Зейсен убит, и как на это отреагировали все, кто был рядом с вами, – добавила я суро-

вым тоном. Надеюсь, даже дворецкого проняло. Потому что его маниакальное желание защитить хозяев будило во мне зверя. Полицейских они не пустили, нас запустили, но при этом тесть и жена убитого упорно прячутся, потому что пока еще слишком расстроены! Ненавижу работать в таких условиях.

– А если я не смотрела на часы?! – Компаньонка тоже была с характером. Такое впечатление, что мы сюда по своей инициативе приехали и теперь всем мешаемся и раздражаем своим присутствием!

– Значит, пишите примерные интервалы. Главное, поточнее вспоминайте, что за чем происходило.

Откинувшись на спинку кресла, я закрыла глаза и постаралась не думать об обеде, который пропустила ради того, чтобы выпытывать сведения из вроде бы заинтересованных граждан.

– Держи. – В комнату тихо вошел Брендон с кружкой чая и тарелкой, на которой лежали два восхитительных бутерброда. – Нашел у них кухню, на которой отсиживается повар.

Я даже не сразу сообразила, к чему эта информация. Сначала сделала пару глотков чая и жадно впилась зубами в толстый ломоть хлеба, на котором сверху лежал такой же толстый ломоть буженины, скромно прикрытый листиком салата. И только на втором куске до меня дошло сказанное.

– Повар? То есть он тут с самого утра? – уточнила я, злорадно глядя на напрягшегося дворецкого.

Нет, понятно, что, скорее всего, повар никого не убивал. Но мы уже имеем препятствие правосудию и дачу ложных показаний. Притянуто за уши, причем заячьи, но, чтобы задержать доставшего меня гада на сутки, – хватит. Нечего было дезинформировать, рассказывая, что больше в доме никого нет!

– И вот, просили передать. – Брендон протянул мне мою же записку с вопросом о времени смерти, на которой в спешке было выведено «между 11 и 12».

Ну, слава Бастет, хотя бы тут без сюрпризов.

– Обязательно впишите, когда вы видели господина Армана последний раз. – Так как я уже была добрая и немного сытая, сурово-угрожающий тон у меня уже не получился. Зря, наверное.

– Как там эксперты? Заканчивают? – шепотом уточнила я у Брендона.

Надо бы поскорее завязывать со слугами и браться за хозяев. Только, боюсь, с ними в школу поиграть не получится. Но пока мы здесь торчим, они сейчас между собой договорятся, а потом предъявят нам соавторский труд.

И к сожалению, выход у меня пока всего лишь один.

– Подмени Эдика и отправь его допрашивать хозяев. – Вот все внутри протестует против такого решения, но другого-то нет. Разве что поручить допрос Брендону. Ну или самой пойти к пострадавшему семейству, оставив химеру следить за слугами.

Я почти секунду всерьез обдумывала второй вариант, но потом решила, что это будет уж слишком жестоко по отношению к бедному парню. Тут и компаньонке палец в рот не клади, и дворецкий руку по локоть откусит, если зазеваешься.

– Как только эксперты закончат, сразу зови меня! – попросила я Брендона и принялась за второй бутерброд, пристально следя за троицей сочинителей. Потом, вытерев пальцы салфеткой, предусмотрительно положенной на тарелку то ли химерой, то ли поваром, достала мобильный и написала сообщение Алексу: «Приезжай сюда, тут много вкусного!»

Еще через пару минут, вновь войдя в роль суровой учительницы, я объявила:

– Заканчиваем, время сдавать ваши записи.

У дворецкого, первым вручившего мне свой листок, текста было на пару абзацев, не больше. До одиннадцати часов он занимался делами по дому, а потом стоял у входной двери, смотрел по сторонам, но вокруг ничего не происходило. Затем закричала Агата.

Я пристально уставилась на мужчину, но в ответ наткнулась на такой же уверенный взгляд.

– У вас очень интересное совмещение обязанностей. – Я покрутила листок в руках, продолжая при этом сверлить дворецкого взглядом. – Вы и управляющий всей прислугой, и швейцар, может быть, еще и водитель?

– Я – дворецкий! В мои обязанности входит следить за

всей прислугой и оберегать покой хозяев, заботиться об их нуждах и выполнять их желания. Прием гостей – важная часть моей работы, – выдал он все это с пафосом, достойным профессора Фелинской технической академии как минимум. – А управление своими аэромобилями хозяева доверяют автопилоту.

– Прекрасно, – недовольно буркнув, я протянула руку, чтобы взять листок у компаньонки. – Значит, это вы нашли тело? – уточнила, переведя взгляд на женщину. На вид ей было от двадцати пяти до тридцати, то есть примерно моя ровесница.

– Да, я пошла в кабинет к господину Арману…

– Зачем? – Рвать добычу надо, пока она еще теплая. А все трое свидетелей сейчас прямо кипят от возмущения. И это прислуга! Даже представлять не хочу, как тяжко нам придется во время допроса их хозяев. Но, перефразируя пафосную фразу дворецкого, ритуальные танцы вокруг богатых аристократов и политической верхушки – важная часть нашей работы.

– Не ваше… – Женщина уже не кипела, она готова была извергать бурлящий в ней гнев. И подобная реакция могла означать только одно. Причина не предназначалась для посторонних ушей. Может быть, они были любовниками? Но все равно остальным-то она должна была как-то объяснить свое присутствие в кабинете женатого мужчины!

– В том-то и дело, что мое, – вежливо прорычала я. – По-

этому отвечайте, иначе арестую всех на сутки за препятствие расследованию.

– Я все написал, что помнил, – влез Ральф, подпихивая мне свой листочек и заодно, как нарочно, отвлекая от компаньонки.

– Ладно, вас не буду арестовывать, – хмыкнула я и снова повернулась к женщине. – Так зачем вы отправились в кабинет? По собственному желанию или кто-то попросил? Вспоминайте! Только учтите, мы потом все проверять будем!

И ведь хочется быть вежливой, доброй и пушистой, но не получается. Вроде бы свидетели, не подозреваемые, но при этом все лгут, пытаются запутать, скрывают что-то, по их мнению, неважное и ведут себя так, словно мы враги, а не полицейские, пытающиеся поймать преступника.

А еще, к сожалению, чтобы реально привлечь за препятствие в расследовании, такой мелочи, как внезапный приступ склероза, маловато. Любой адвокат разгрызет подобное обвинение, как пес – палку.

Свидетели же волнуются, переживают, они не обязаны четко запоминать, что когда происходило, к тому же не у всех идеальная визуальная память. Если свидетель видел брюнетку в красной шапочке, но сообщил вам о подозрительном оборотне-блондине в зеленой кепке, так это не из-за желания запутать доблестных сотрудников полиции, а потому, что ему вот так запомнилось.

Только одно дело, когда действительно волнуются и пере-

живают. Я тогда даже посочувствовать могу. А тут же прямо в глаза нагло врать собираются, только пока еще не придумали, что именно. И надо подсекать, выбивать факты, потом ловить на лжи, взяв за шкирку и тыкая носом, выбивая новую и новую ложь, пока не добьешься правды.

– Я хотела посмотреть на картину, – процедила сквозь зубы Агата. И судя по тому, с какой злобой засверкали ее глаза, в которых даже зрачок сменился на вертикальный, это действительно была правда.

– Что за картина и с чего вдруг вам так захотелось на нее посмотреть?

– Я не понимаю, вы что, меня подозреваете?! – женщину наконец-то прорвало. У нее не только глаза сменились на тигриные, но и уши. Понять бы еще, что она так упорно пытается скрыть и почему так злится на мои попытки вытянуть из нее детали.

– Картина с благотворительного аукциона. Ее примерно в десять утра принес курьер, и господин Арман сам спустился, чтобы проверить подлинность и расписаться в получении. А потом сам унес ее в кабинет, сказав, что хочет лично выбрать для нее место, – отчитался вместо компаньонки дворецкий.

Ну, слава Бастет, их тут хотя бы по очереди перемыкает, а не одновременно.

– Я услышала, что принесли картину, и пошла посмотреть, – женщина соизволила выдавить из себя крупицы подробностей, наивно рассчитывая, что я этим удовлетворюсь.

– От кого вы услышали? Картину доставили в десять, а вы отправились в кабинет… – Я заглянула сначала в листик дворецкого, потом в Агатин, затем к Ральфу.

Навскидку выходило, что все сбежались к кабинету примерно без четверти двенадцать. В ФБР позвонили почти сразу, то есть примерно в двенадцать, как я и подозревала. А значит, смотреть картину дамочка отправилась минут за десять – двадцать до общего сбора.

– …примерно полдвенадцатого, – закончила я. Пока потребности расписывать все точно по минутам не было. Мне бы хоть общую картинку случившегося представить. – Из-за чего такой большой интервал? Вы узнали раньше, но были заняты или вам только в это время сообщили? – Подсказывать варианты ответов не совсем профессионально, но зато по мимике свидетеля можно уловить, в какую примерно сторону двигаться со своими догадками дальше. – Значит, только в это время сообщили. Кто? – Хотя и так ясно: раз она все время провела на третьем этаже с женой убитого, то, скорее всего, та ей и рассказала.

Хотя я, похоже, тороплюсь с выводами. Жена на третьем этаже с десяти утра, то есть о приходе курьера она могла и не знать.

– Господин Арман прислал мне сообщение, попросил прийти помочь выбрать место для картины.

Ощущение, словно у меня в руках тюбик с почти закончившейся зубной пастой. И я старательно выдавливаю остат-

ки, потому что нового нет, а зубы почистить надо.

– То есть у вас в мобильном есть сообщение от убитого, по которому можно точно определить, когда он еще был жив, но вы упорно это скрываете?

Да чтоб ты мышью подавилась! Я сейчас совсем непрофессионально наору на эту дуру, и пусть потом мне объявляют выговор в письменной форме!

– Я не собираюсь позволять вам читать мою личную переписку…

– Мобильник. Сюда. Быстро. – После каждого слова я тыкала пальцем в стол. – Ордер на обыск всего вашего имущества мне сейчас привезут. Но я хочу быть уверена, что вы ничего не удалите. Так что кладите на стол. Вот он, – я указала на дворецкого, – как ответственный за персонал, будет сидеть и оберегать его и от вас, и от меня. Ну?!

Агата сначала зло зарычала, а потом, признав, что выбора у нее нет и теперь-то я уж точно смогу привлечь ее за препятствие следствию, швырнула мобильник на стол:

– Подавитесь! Можете читать без ордера!..

Глава 19. Первый подозреваемый есть

Я принципиально оформила изъятие мобильного устройства со всеми формальностями. Выдала злющей Агате документ, подтверждающий, что ее собственность временно переходит во владение государственного бюро расследования, так как является важной уликой. И лишь после этого уселась читать переписку, из-за которой весь скандал и произошел.

Компаньонка жены одновременно оказалась любовницей мужа. Дело, как говорится, житейское, хотя я такое поведение не одобряю. Но сейчас главное было в другом.

В том, что в одиннадцать часов тридцать семь минут господин Арман был еще жив и приглашал свою пассию заглянуть к нему, чтобы полюбоваться потрясающей картиной. И выбрать для нее «подходящий ракурс». Хм… Не будем давать волю воображению, а то мне тут тоже есть с кем подходящий ракурс поискать. Главное – это время.

– В тот момент, когда вы получили сообщение, ваша нанимательница была с вами?

– Да, сидела ела мороженое и следила за воротами. Даже на голову жаловаться перестала, – с презрением то ли ко мне, то ли к жене своего любовника пробурчала Агата.

– А до этого жаловалась? – уточнила я, стараясь не давать волю профессиональной паранойе.

– Да, даже в комнату к себе минут за десять до этого уходила, за таблетками. – Женщина с раздражением передернула плечами. Можно подумать, ее хозяйка специально страдала головной болью, чтобы нервировать бедняжку. Даже за таблетками отправлять не стала, сама сходила.

– А где у нее комната? На каком этаже? – Все же профессиональная паранойя оказалась сильнее моей антипатии к компаньонке. И главное, вроде бы ничего подозрительного. Подумаешь, сначала жена ненадолго удалилась, а потом любовница нашла труп ее мужа. Совпадение.

– На третьем, я даже видела, как она в окне мелькала, потом отошла ненадолго и снова появилась. – Почувствовав, что я вроде бы перестала ее подозревать, Агата решила побыть добропорядочной свидетельницей и защитить свою нанимательницу от ложных обвинений. Лучше поздно, чем никогда.

– Что ж, значит, у госпожи Лары есть алиби. – Я широко улыбнулась во все тридцать два зуба и перевела взгляд на притихшего Ральфа. – И, судя по вашим показаниям, господин Сагор и его гость провели все это время на первом этаже, никуда не отлучаясь. Так что у них тоже есть алиби. Спасибо за помощь следствию, можете пока быть свободны!

И я вышла из комнаты, забрав с собой листики и мобильный Агаты.

Брендон скучал под соседней дверью. Эксперты еще до сих пор не закончили, и это был очень плохой знак. Когда все просто и ясно, криминалисты работают быстро и четко. А вот если что-то непонятное, тогда они возятся, выискивая улики и стараясь не пропустить ни единой мелочи, способной прояснить ситуацию.

– Они пулю практически в потолке нашли, – заговорщицким шепотом сообщил мне химера.

– Мышей им полный рот, – так же негромко хмыкнула я, оценивая высоту стен. Метра три, если не больше. – То есть кто-то стрелял снизу вверх?

– Нет, там рана ровная, из затылка в глазницу, – спокойно

проинформировал меня Брендон. Словно каждый день трупы видел, раны осматривал и выводы делал. Хотя для тех выводов, что он мне сейчас озвучил, большого опыта и не надо. Достаточно просто хорошей наблюдательности, а с этим у моего подопечного все в порядке.

– Так, прекращаем домысливать то, о чем не знаете, – прервал нас Карл, начальник экспертов, выходя из кабинета и снимая перчатки. – Пуля в стене под потолком, выстрел ровный, но убитый не порхал в воздухе рядом с убийцей, а висел, подвешенный головой вниз.

Высота потолков здесь примерно метра три, может даже чуть побольше. Убитый был среднего роста, примерно метр восемьдесят – метр девяносто.

– Если он висел вниз головой, то пуля должна была оказаться ближе к полу, – принялась рассуждать я вслух.

– Все верно! – Мужчина поднял вверх указательный палец, заостряя наше внимание. – Он висел, удерживаемый под потолком за ноги и талию. Судя по следам на теле, диаметр веревки должен быть где-то миллиметров десять. Она слабо тянущаяся, но очень прочная.

– Статичная? – предположил Брендон. – Из тех, что для ограждений используют? Те, которыми обматываются для страховки, мягкие и хорошо тянутся. А статичные тугие, словно проволока.

– Да, я бы поставил на ваш вариант, – одобрительно кивнул Карл. – Тугая, как проволока, но не проволока. Ищите

веревку. И лестницу. Потому что убийца тоже находился под потолком. Вот схема полета пули, точки, где примерно находился стрелявший и где примерно находилась жертва. – И мне вручили схематичный рисунок кабинета. – Удачи, Марта!

– Весело, – протянула я, разглядывая картинку.

– Все как ты и обещала? – У Алекса почти получилось подкрасться ко мне бесшумно. Даже Брендон, предатель, его не выдал. Ни один мускул на его лице не дрогнул, глаз не дернулся! Но на последних шагах красавчик-блондинчик все же расслабился. Так что я тоже даже не вздрогнула, услышав его голос. Спокойно повернулась и подмигнула:

– А когда я тебя обманывала? Веселья через край! Я пошла спасать Эдика, а ты тут вокруг контура от тела поползай. Брендон тебе перескажет все, что эксперты нарыли.

Как-то совсем незаметно из подопечного, о котором я решила временно позаботиться, найденный нами парень превращался в помощника. Причем не только моего, а сразу нас всех. Личная химера убойного отдела. Звучит же!

С чистой совестью оставив парней изучать тело, я отправилась вниз, искать нашего бедного котика.

Обнаружила я его в комнате, вклеенной во все здешнее стильное великолепие из какого-то аляповатого журнала для провинциалок. Обои сверкали золотистыми узорами, два дивана, стоящие друг напротив друга, слепили золотистой обивкой, огромная люстра зависала в центре, тоже блестя

золотом. Тумбочки, угловые панели, подоконники, шторы, встроенные в стены полки – все было ослепительно золотого цвета. Хотя при этом была выдержана общая линия стиля. Бархат. Мягкий, буквально стекающий на пол бархат. И обивка диванов, и шторы. Люстра, вазы на полке – все это было гармонично едино. Безвкусно из-за золотой аляповатости, но гармонично. Даже огромный стол из красного дерева, обитый по углам золотом, украшенный золотым подсвечником и золотой же подставкой под три ручки, прекрасно вписывался в этот сверкающий беспредел.

Эдик сидел на одном из диванов в очень интересной компании.

Ярче всех выделялся вполне себе еще бодрый оборотень-тигр лет так пятидесяти на вид, с пышной и когда-то каштановой шевелюрой. Теперь в ней гораздо больше было седины, чем каштана. Но взгляд у мужчины был цепкий, умный, подбородок выдвинут вперед, губы сжаты. Сразу ясно: передо мной господин Сагор Чёмит, владелец и директор «Кёж Чёмит Корпорейшн», тесть убитого Армана Зейсена.

Я вежливо кивнула и протянула руку, чтобы поздороваться. Как и ожидалось, рукопожатие господина Сагора было таким же крепким и уверенным, как он сам.

Неожиданно, но этот властный мужчина мне понравился. В нем была надежность и харизма.

А вот его дочери ни харизмы, ни надежности не перепало. Аморфная хрупкая брюнеточка с широко распахнутыми ис-

пуганными глазищами. Хорошо хоть, в истерике не бьется, просто сидит и жмется к папочке. Ну, тут я ее понимаю. Будь у меня такой папочка, я бы тоже в любой сложной ситуации прибегала поприжиматься к его плечу, чтобы успокоиться.

И, так сказать, третьим блюдом шел тоже по-своему харизматичный бледнокожий длинноволосый блондин лет сорока с небольшим. Его светло-голубые глаза обладали притягивающе гипнотической силой, что неудивительно. Кажется, впервые в жизни я встретилась с оборотнем-змеем. Даже морозец по коже пробежал вместе с целым прайдом мурашек, и волосы на затылке встали дыбом.

– Магтан Джайгдеф, мой гость, – просто, безо всяких титулов представил его Сагор.

Вот только даже я, совсем далекая от аристократически-политического небосклона, прекрасно знала, что Джайгдеф – владелец второй по величине после «Кёж Чёмита» компании по производству топлива для аэротехники.

Основной конкурент, к тому же змея, то есть при частичном обороте мог подняться на хвосте под потолок и выстрелить в несчастного Армана. Непонятно, правда, зачем… Но, учитывая обилие странностей у этого убийства, одно то, что Магтан мог его совершить, сразу превращало его в главного подозреваемого.

Глава 20. Общественность негодует

Первым делом, закончив знакомиться, я вежливо, но при этом очень настойчиво попросила всех троих сесть и распи-

сать как можно подробнее все, что они делали с десяти до двенадцати. И как именно узнали о смерти Армана. И что вокруг них в это время происходило. И что было потом, когда все прибежали в кабинет.

После того как все трое безо всяких возражений, в отличие от собственных слуг, уселись вспоминать, как они провели два часа своей жизни, я сама достала мобильник и отправила сообщение Алексу: «Как веселье? Веревку уже нашли?»

Что-то у нас прямо череда загадочных дел пошла. С обезьянами все в тумане, и вот пожалуйста – змеи, мышь им в глотку, бонусом.

«Веревки нет, оружия нет, – порадовал меня Алекс. – Спишись с Изильдой, она про допрос расскажет. Тебе понравится!»

Что ж, я хотела отчет о разговоре с павианом прослушать вживую, при встрече. Но как удержаться, когда тебя так интригуют?

«Кидаю голосовое!» – предупредила меня Изильда.

Пришлось достать наушники, но любопытство уже прямо разъедало, требуя поскорее выяснить, что же такого интересного произошло.

– Он приехал нацеленный на скандал. Потребовал присутствия при допросе своего адвоката, которого уже привез, заранее. Начал с того, что ты его шантажировала и запугивала, но, так как свидетелей нет, он предъявлять обвинения

не станет… – Изильда воодушевленно щебетала в голосовом, явно предвкушая, как вот-вот вывалит на меня что-то очень интересное. – И тут я ему сначала о том, что один из его жрецов – грабитель, а затем о решении городского совета об отказе продления аренды для его храма. А потом пришел Алекс и принес «секретную информацию», – тут Изильда затихла, переводя дух, чтобы потом быстро выпалить: – Об облавах во всех храмах обезьян, расположенных на территории Фелинии, и список государств, поддержавших наше начинание. Марта! Я даже не ожидала, что будет такой мощный резонанс! Всего несколько дней прошло, а такая буря по всей стране!

Да, Алекс был прав, мне понравилось. Мне очень понравилось. И главное, я сама как-то о других храмах даже не подумала. С этим бы разобраться и всех взрослых химер выкупить, а лучше просто изъять. А кто-то, в отличие от меня, оказался более глобально мыслящим.

Уверена, такая агрессивная реакция в обществе из-за того, что пострадавшие в основном дети.

Центры профилактики безнадзорности в Фелинии обладают очень мощной поддержкой на государственном уровне. К тому же большинство желающих совершить пожертвования, чтобы ублажить свою совесть или просто сделать доброе дело, натыкаются на эти центры в первую очередь. Инвалидов или неизлечимо больных среди оборотней практически не бывает, в отличие от одноликих. А вот безработные и

бездомные встречаются. И иногда таким требуется помощь. Особенно если это старики, дети или подростки.

– Он теперь прямо шелковый, – удовлетворенно продолжила Изильда. – Готов сотрудничать, искать виновных, дал разрешение на допрос всех жрецов, чтобы вычислить тех, кто ближе всех знаком с убитой троицей. На все согласен, только бы мы замолвили слово перед городским советом. Ну я сказала, что слово мы замолвим, хотя от нас ничего не зависит. Но мы по крайней мере не будем настраивать совет против храма.

Все-таки Изильда мягче, чем я, и больше склонна к компромиссам. Я бы нарычала, стукнула кулаком по столу и объявила, что храм и так обязан помогать следствию, безо всяких условий.

Но естественно, лучше мирная договоренность, после которой мы получаем все, не делая практически ничего.

«Молодец. Завтра берешь Алекса – и в храм, опрашивать жрецов», – размениваться на голосовухи ради двух предложений я не стала, отправив обычное текстовое сообщение.

Конечно, я бы предпочла оставить Алекса себе, всучив Изильде Эдика, но надо думать не только о своем удобстве, но и о деле. К сожалению.

Пока я была занята выслушиванием голосового отчета, троица свидетелей закончила свои сочинения.

Я собрала все листики, уселась за стол, взяла золотую ручку и принялась сверять написанное слугами и их хозяевами.

Большинство пунктов совпадало, а редкие перестановки или пропуски событий лишь подтверждали, что это действительно воспоминания, а не выученный заранее текст.

Итак, у всех, мышь им поперек глотки, было алиби. Единственной на какое-то время оставшейся в одиночестве была Лара, но ее компаньонка утверждает, что видела свою нанимательницу в окне. А учитывая высокие отношения между женщинами, если бы Агата имела хотя бы малюсенький шанс выставить Лару подозреваемой, то наверняка его бы использовала.

Конечно, остается еще повар, но он прислал мне в дар два таких вкусных бутерброда! Конечно, дело не в них, просто моя интуиция отказывалась его подозревать. Хотя поговорить с ним, конечно, надо.

Но основные подозреваемые – кто-то из шести уже мною опрошенных. Вот только кто?! Змей? Жена? Любовница? Тесть? Хороший ход – избавить дочь от не оправдавшего надежд мужа и подставить конкурента. Или все же жена? Избавиться от нагло изменяющего ей под носом мужа и заодно подставить конкурента отца. Или любовница?..

В общем, копать и копать. Для начала надо понять, как именно Армана убили, найти веревку и… так!

«Сходи к экспертам, выясни, нашли ли они мобильник жертвы», – попросила я Изильду. Он ведь буквально перед смертью отправил сообщение, значит, мобильный должен был быть у него под рукой.

– Что ж, пока ничего конкретного мы вам сказать не можем. – Кроме того, что один из вас убийца, но эту информацию лучше не произносить вслух. – Над этим делом работают наши лучшие специалисты. Мы обязательно найдем виновного! – говоря все это, я глядела в основном на Сагора Чёмита.

Смотреть на Магтана Джайгдефа было сложно, от его взгляда мне становилось не по себе. А на Лару Зейсен не хотелось, хотя искоса я все же наблюдала за девушкой. Нельзя упускать из виду реакции подозреваемых. А так как подозреваемые здесь все, то и следить приходится за всеми.

После моих слов девушка неожиданно разрыдалась, но уткнулась при этом не в плечо отцу, а в грудь Эдику. Бедный котик от такого растерялся, замер, потом слегка оживился и принялся гладить скорбящую вдову по голове.

– Сочувствую вашему горю, – вспомнила я еще одну подходящую для текущей ситуации фразу и подлейшим образом сбежала, оставив Эдика на растерзание.

Глава 21. Паранойя в действии

На втором этаже у кабинета было пусто. Внутри сидел одинокий полицейский, проведенный контрабандой с экспертами. Охранял место преступления.

Специально для таких ситуаций, когда потерпевшие не хотят сотрудничать с полицией, у нас была небольшая группа оборотней-котов. Не таких породистых, как Эдик, зато более шустрых и сообразительных. Например, если вдруг сидяще-

му на стуле парню понадобится отлучиться по неотложным делам, он сменит ипостась и быстро прошмыгнет туда и обратно, не привлекая внимания. А когда мы все вечером уйдем отсюда, он тоже сменит ипостась и заляжет где-нибудь под столом, словно тут никого нет.

Можно, конечно, просто устанавливать видеокамеру, но живой полицейский надежнее. Камера не вмешается, если вдруг здесь начнет происходить что-то противозаконное. Хотя обычно мы и камеру вешаем, для спокойствия.

– А где мои мальчики? – поинтересовалась я у охранника.

– Темненький что-то в потолке заметил, и они пошли… – принялся объяснять мне парень, но тут у нас прямо над головой в потолке открылся люк, откуда показалась голова Брендона.

– Привет! А мы тут закон нарушаем, – обрадовал меня химера.

Я на это лишь раздраженно выдохнула и поинтересовалась:

– Как вы додумались?

– Искали, где могла крепиться веревка. – Брендон улыбнулся и спрыгнул ко мне, уже в воздухе перевернувшись, чтобы опуститься на четыре лапы… то есть на корточки, упершись при этом ладонями в пол.

– Псих! – только и смогла выдать я, хотя сама неоднократно проворачивала подобный трюк, преследуя подозреваемых. Но с трех метров удобнее прыгать сразу ногами вниз, а

не устраивать акробатические номера для одного зрителя.

– Смотри. – Химера, приобняв меня за плечи, чуть развернул и потыкал пальцем куда-то вверх. – Видишь? Дырка!

Первым делом я отметила, что Алекс прикрыл секретный лаз в потолке. И только потом перевела взгляд туда, куда показывал Брендон. После частичного оборота я разглядела рядом с люстрой маленькую дырочку, чуть больше сантиметра в диаметре.

Просто весь потолок был выложен деревянными панелями с круговыми рисунками, имитирующими спилы от сучков. Мелких темных кружков и овалов на нем тоже хватало. А чтобы заметить в одном из них дырку, надо было знать, куда смотреть, да еще напрягая при этом второе, звериное зрение. Люк, кстати, был сделан как раз в одном из «спилов», так что его я тоже сразу бы не вычислила. Только если специально ползать с лестницей и пристально изучать потолок…

Наверное, мы бы в конце концов до этого дошли, но Брендон сэкономил нам кучу времени.

Повернувшись, я с уважением посмотрела на парня. Все же шутка про «глаз, как у орла» оказалась не шуткой.

Тут в кабинет нормальным путем, через дверь, вошел Алекс.

– Представляешь, в той комнате есть почти все, что нам надо, – принялся отчитываться он. – Даже веревка! Я ее изъял, предварительно сфотографировав место, где она валялась. Надеюсь, эксперты найдут на ней отпечатки пальцев.

Убивали, скорее всего, в перчатках, но до этого могли хоть раз схватиться голыми руками.

– А комната над кабинетом чья? – уточнила я.

Конечно, у жены убитого тоже спальня на третьем этаже, но неужели такое сложное дело удастся раскрыть меньше чем за сутки?! И все благодаря орлиным глазам Брендона…

– Ничья, – отмахнулся Алекс. – С одной стороны от нее спальня убитого, а с другой – жены убитого. Я вытряс из дворецкого план дома, прежде чем устраивать обыск без ордера. Только теперь нам надо решить, как мы все это законно провернем.

Да, иногда приходилось идти на хитрости, сначала устраивая обыск и забирая улики, а затем получать в суде ордер и оформлять изъятие улик задним числом.

Ну или врываться и обыскивать все совсем без всяких хитростей, ссылаясь на обстоятельства, не терпящие промедления. Правда, это должны быть очень нетерпеливые обстоятельства, а то потом язык распухнет объяснять судье, зачем мы вломились к кому-то без ордера.

Конкретно сейчас, если комната официально ничья, можно было попробовать договориться с хозяином дома напрямую. Осталось только решить, спугнем ли мы так убийцу, и он заляжет в кустах, или, наоборот, припугнем и выведем на чистую поляну.

– Сначала пусть эксперты веревку осмотрят, – подумав пару секунд и взвесив все «за» и «против», решила я. – Потом

«найдем» улику при свидетелях.

– Вот будет весело, если убийца сегодня вечером придет за ней и не найдет, – ухмыльнулся Алекс.

Были у нас подобные случаи. Поэтому возвращать изъятую тайно вещь надо было очень аккуратно. Точно на то самое место, где она лежала. Иногда после этого искренне возмущенный подобной подставой убийца выдавал себя с потрохами.

– Кстати, видеокамеру я там прикрепил. Хотя видео к делу не пришьешь, конечно, – со вздохом признал Алекс.

Да, незаконно снятое видео скорее прятать надо, чтобы на нас самих дело не завели за незаконное наблюдение. Но зато хоть будем в курсе, если вдруг кто-то заявится улики прибирать. Опять же можно будет попросить нашего охранника кабинета рвануть наверх, но это уже совсем на крайний случай.

– Ставки делать будем? – уточнил Алекс.

Всегда, когда в деле несколько подозреваемых, мы делили их между собой и азартно доказывали вину своего «избранника».

– Я ставлю на жену! – Блондинчик только мне язык не показал, довольный своим выбором.

– Слишком уж просто, – недовольно буркнула я, и тут меня осенило: – А картина-то где? Эксперты с собой увезли, что ли?!

– Нет, вон стоит! – Алекс махнул рукой на приставленную

к стене картину. – Забавный сюжет, – добавил он, наблюдая за мной и ожидая моей реакции.

Сюжет и правда был забавный. Огромная змея извивалась среди развалин какого-то старого замка, а на камнях и ветках деревьев, окружавших развалины, сидели обезьяны, много разных мелких обезьян.

– Вот уж совпадение так совпадение, – восхищенно выдохнула я. – Бывает же такое!

– Оценила? – довольно заулыбался Алекс.

И тут у меня вяло пилилимкнул мобильный. Обычно он так делает, когда уже устал сигнализировать о сообщении, а я продолжаю его игнорировать. Точно, Изильда уже давно мне ответила, а я не услышала, когда ее отчет ко мне пришел. Наверное, отвлеклась на Брендона.

– Кстати, мобильник нашли на полу рядом с жертвой, – сообщила я Алексу. – Экран разбит из-за падения с высоты. Если убитый держал его в руках и после смерти выпустил, ничего удивительного. Но…

Но с таким же успехом сообщение Агате мог отправить убийца, чтобы создать себе алиби, разбить экран у мобильного и потом в общем ажиотаже подкинуть его поближе к трупу. Профессиональная паранойя, от нее уже никуда не деться.

Глава 22. Стейки, змеи и тимьян

– Ладно, пожалуй, на сегодня мы тут сделали все, что могли, – решила я. – Осталось поговорить с поваром, а потом

можно идти спасать Эдика и прощаться с милым семейством до завтра.

Я не сомневалась, что Изильда даже без моего напоминания уже пробила информацию обо всех: и о хозяевах, и о слугах, включая повара. Так что завтра у нас будет точная характеристика на каждого. Полный список фактов и анализ слухов. Кто, с кем, когда… И даже тайна матери Лары будет раскрыта. Потому что сейчас имеет значение любая мелочь.

Понятно, что причин для убийства и так хватает. Но возможно, мы еще что-то упускаем или чего-то не знаем. В любом случае на сегодня с меня хватит.

– Скоро уже время ужинать, так что уходим отсюда, быстро!

Алекс задержался, чтобы поговорить с поваром. А мы с Брендоном сначала подвезли Эдика до стоянки, потом заехали в ближайшую стейковую, потому что я безумно хотела мяса, много мяса.

Поесть мы решили там же, в шумном зале, устроившись за отдельным столиком.

В качестве гарнира к пяти стейкам для двоих очень голодных оборотней я заказала огромную тарелку свежих овощей и такую же огромную миску тушеных.

– Никогда бы не подумал, что плохо сваренная мешанина из всего несъеденного жрецами за день продается в ресторане, – рассмеялся Брендон, когда официант принес ароматную многослойную густую кашицу из тушеных баклажанов,

моркови, помидоров и кабачков. – Осталось только тимьяном с луком это все посыпать.

– Принесите нам сушеные тимьян, лук и чеснок, – попросила я обслуживающего нас молодого оборотня. – И попить… еще чай? – уточнила я у Брендона.

– Опять с тимьяном? – вежливо, но с небольшой долей ехидства поинтересовался официант.

– Да, – махнула я рукой. – Большой чайник!

– Рискну, – подмигнула я, когда мы остались за столиком вдвоем. – Ты с таким удовольствием его пил!

Заказ здесь подавали почти сразу, а потом мы какое-то время увлеченно ели. Но сначала я сообщила Брендону, что в храмах у обезьян наводят порядок и переводят химер под опеку Центра профилактики безнадзорности. Только парень отреагировал на это как-то странно: нахмурился и загрустил.

Поэтому, слегка насытившись, я завела разговор на вроде бы безобидную тему.

– Пока я подозреваю жену и змея, конкурента тестя, – принялась рассуждать я, не называя при этом имен. Уж больно известные они были. – Вот только зачем змею убивать так странно, сразу привлекая внимание к себе?

– Может быть, кто-то искал козла отпущения? – Как я и надеялась, Брендон отвлекся от своих мыслей и присоединился к моим рассуждениям. – Многие верят, что змеи умеют делать тугие петли из своего хвоста. На самом деле так поступают лишь питон и анаконда, но захват у них действи-

тельно очень прочный. Кольца вокруг жертвы становятся как каменные.

– А гипнозом питоны обладают? – Я вспомнила неприятное замораживающее ощущение от взгляда Магтана.

Интересно, в доме господина Чёмита осведомлены, в какую именно змею он оборачивается? Хозяева наверняка знали, а вот насчет слуг я уже не уверена.

– Гипнозом ни одна змея не обладает, – рассмеялся Брендон. – Взгляд у них немигающий из-за отсутствия век, а застывают они неподвижно выжидая, из-за того, что видят лишь контуры. Если стоять и не двигаться, то для змеи вокруг как будто бы никого и нет. Ты застыл и она застыла. Только едва шелохнешься – змея тут же набросится.

– И откуда тебе это известно? – Внезапно мне стало немного обидно. Да, я выросла в городе, но по зоологии у меня твердые десять баллов из десяти возможных. И наверное, в классе седьмом, когда мы проходили мир пресмыкающихся, я знала все эти подробности о кольцах, но со временем позабыла. А парень, воспитанный при храме, помнит…

– Нас иногда вывозили в другие храмы, – усмехнулся Брендон и погладил меня по руке. Раздражение сразу улетучилось. Все же потребность быть самой лучшей иногда только во вред, особенно моей нервной системе. – Один раз я видел анаконду прямо как тебя сейчас. Меня от страха практически парализовало, и это меня спасло.

– Да ты вообще в золотой шкурке родился. – Я попыталась

улыбнуться в ответ, только сначала вытерла салфеткой резко вспотевшие ладони. – Скучно вам там при храме не было.

– Мне и сейчас весело, – хмыкнул Брендон, положив свои ладони сверху на мои.

Только тут, совсем некстати, подошел официант и принес заказанный чай. Романтический настрой ненадолго испарился.

Я взяла протянутую мне полную кружку и храбро глотнула. Просто в моей голове четко закрепилось, что тимьян – это приправа, которую я, кстати, не сильно любила. И в то, что она одновременно может быть вкусной заваркой для чая, я не верила.

Однако вкус мне понравился. Он был пряный и чуть горьковатый. Потом я сидела, вдыхала ароматные пары от кружки, обняв ее ладонями, смотрела на Брендона, молча поедающего третий стейк, и размышляла о странностях, постоянно встречающихся в нашей жизни.

Вот, например, еще несколько дней назад я ничего не знала об этом парне, а теперь любуюсь на то, как он ест, и меня, непонятно почему, умиляет это зрелище!

А еще я никогда особо не раздумывала, если встречала привлекательного кандидата на нескучную ночь. Нет, конечно, предпочтительнее были отношения хотя бы на пару недель, а лучше на пару месяцев. В идеале хотелось бы на пару лет, но так мне еще ни разу не везло.

И вот передо мной подходящий кандидат, а я, вместо то-

го чтобы его заваливать, предаюсь философским размышлениям. Причем сама не понимаю, чего именно хочу. То есть вроде бы Брендона… Но так вот он передо мной, тепленький и на все согласный!

Короче, у меня какое-то помутнение в голове. Надеюсь, временное.

– Слушай, раз у нас рабочий день сегодня так рано закончился, давай съездим в то самое место, куда я тебя хотела отвезти вчера, – внезапно решилась я. – Тебе понравится!

Глава 23. Место отдохновения

Недалеко от города начинался лес, куда городские оборотни иногда отправлялись отдохнуть и порезвиться. Строительные компании много раз пытались выкупить хотя бы небольшой кусочек. Если бы территория была ничейной или принадлежала городу, то в конце концов кто-то один начал бы захват, а потом к нему бы присоединились остальные стервятники. Но за лес отвечала администрация западного района, и их вполне устраивала огромная зеленая зона, отделяющая территорию области от города. В последнем своем выступлении о судьбе леса глава администрации пошутил: «Вдруг какой-то городской девушке захочется отнести бабушке пирожки? Пусть у нее будет не только повод, но и место для свиданий с молодым вервульфом».

Большинство простых горожан были на его стороне. Мы все нуждались в таком месте, где можно было пробежаться среди деревьев, поохотиться, выпустить внутреннего хищ-

ника на свободу…

Я даже не сомневалась, что Брендону там понравится. Конечно, вечером в лесу бегала орава молодняка, да и среднее поколение любило перед сном размяться, если есть время. Но основная толпа мельтешила по краю. Глубже, в лесную чащу, забирались лишь самые безбашенные. И сейчас мне очень хотелось поохотиться среди деревьев, позабыв обо всем. Расслабить разум и снять стресс. Как говорила Изильда, «перезагрузиться».

Мне сейчас очень надо было перезагрузиться. Я ощущала, что убийца Армана Зейсена у меня под лапой, только спрятался в тени. Но я выведу его на свет! Надо просто упорядочить все имеющиеся сведения и успешно использовать новые, те, что мы узнаем завтра утром. Только сделать все это надо на свежую голову.

Пока мы ехали, Брендон развлекал меня историями о разных птицах и животных, не настолько опасных, как анаконда.

Например, об обычных какаду. К счастью, они не водятся в Фелинии, потому что пересекаться с этими птицами на кривой тропинке тоже рискованно.

– Задумайся! Во всех книгах про пиратов у несчастного капитана всегда отсутствует один глаз. Причем если какаду сидит на левом плече, то и повязка будет на левой стороне! И еще эта тварь не только клюется, но и щиплется.

Но оказывается, и в наших краях водятся страшные мон-

стры, выглядящие маленькими пухленькими пичужками не крупнее синицы. Эти монстры, если не находят зерен и червячков, выклевывают мозг у мелких грызунов и птичек. А потом вешают безмозглый трупик на кустик как украшение или устрашение.

– Хорошо, что я очень крупная птица. – Брендон улыбался, рассказывая мне эти ужасы. – А то как-то лет пять назад очень суровая зима была, помнишь? Вот тогда у нас вокруг всего храма трупики мышей висели, как гирлянды.

– Жуть какая! – только и смогла выдавить я. Моей хищной натуре все равно претило подобное выборочное поедание добычи. Мозг или печень – без разницы. Раз убил, значит, ешь все, не выпендривайся. Ну или почти все… Ладно, я тоже иногда выедаю только самое вкусное, а остальное бросаю, чтобы и падальщикам было что поесть. Наверное, меня больше смутило, что так себя ведет мелкая пичужки. Им же зерна клевать положено, а не мозги выклевывать!

– Надеюсь, ты не настолько эстет? – уточнила я, притормаживая недалеко от леса. Парковка для аэромобилей располагалась примерно в километре от леса. Для львицы легкая пробежка перед охотой. – Ну, оборачивайся! – Я выпрыгнула из машины уже зверем и замерла, ожидая, когда Брендон присоединится ко мне.

Но он, обойдя аэромобиль, чтобы оказаться на одной со мной стороне, сначала огляделся, оценив на треть забитую стоянку, потом посмотрел на лес и отрицательно помотал го-

ловой:

– Зрителей много. У тебя потом проблемы будут…

– Не дури. – Я снова сменила ипостась на человеческую и сурово уставилась на расстроенного парня. – О химерах уже вся страна знает. Вот и пусть…

– Вот именно! Пока они меня не видели, все идет хорошо. А если после того, как я полетаю над ними, они испугаются и решат, что нам в храме самое место? Что мы должны сидеть взаперти и не высовываться?!

Конечно, в чем-то Брендон был прав. Далеко не все решат, что грифон красавец, кому-то он может показаться монстром. И будет обидно, если до встречи с орлогрифом вживую этот оборотень готов был бороться за права химер, но передумает, увидев, по его мнению, страшного урода. А с другой стороны, все равно когда-то придется выходить из сумрака! Так почему не сегодня?

Мы всегда опасаемся того, чего не знаем. Может быть, если показать всем, что химера почти такой же, пусть и чуть-чуть иной, неизвестность чуть-чуть сгладится?

– Обращайся! Сейчас порезвимся, – решительно объявила я. – У меня есть план!

Я привыкла, что Алекс, Изильда и даже Эдик, услышав от меня, что все продумано, сразу начинают делать так, как я сказала. Отбросив сомнения. Не потому, что я их капитан, а потому, что они мне доверяют. Знают, что, даже если в моем плане есть риски, они учтены и оправданны.

Брендон смотрел на меня вечность. Дольше секунды точно. И скептически-недоверчивая ухмылка на его губах ясно давала понять, что безоговорочно в меня не верят. Но потом он все-таки обернулся. После чего точно так же скептически уставился на меня уже птичьими глазами.

Теперь была моя очередь застыть на полсекунды, любуясь львиной частью, размахом крыльев и каким-то внутренним величием, излучаемым химерой. Орлиная голова, покрытая белыми перьями, воспринималась уже вполне естественно, а не как нечто чужеродное. Массивный желтоватый клюв притягивал взгляд и выглядел довольно устрашающе. А гордый взор вполне мог соперничать с таким же уверенным взглядом крупных кошек.

Да, передо мной был достойный меня хищник, привлекающий своей экзотичностью.

Я подошла к грифону вплотную, подняла руку и погладила его по мягким перьям на голове. А потом провела пальцами по клюву. Химера внимательно следил за мной, и только сейчас, неотрывно глядя в его глаза, я заметила, что вся его величественность и уверенность – фарс. На самом деле Брендон напряжен и очень волнуется. Просто отлично умеет это скрывать.

– Все будет хорошо, – прошептала я, обнимая его за шею. – Мы лишь немного полетаем. Можно? – И я снова погладила грифона по голове. Химера согласно кивнул и улегся, расправив крылья, чтобы мне было удобнее залезть к

нему на спину.

Сидеть без дополнительной страховки, держась только ногами, я пока была не готова. Поэтому улеглась, крепко обхватила Брендона как раз в месте перехода орлиной части в львиную и выкрикнула, хмелея от охватившего меня предвкушающего восторга:

– Взлетаем! Кружи над ними, но не пикируй… Просто кружи. Не как угроза, а красуясь. Ты справишься!

Глава 24. Картинная галерея

Раньше мне казалось, что полет должен быть похож на быстрый бег. Но я ошиблась. Сначала мы действительно немного пробежались. Брендон размахивал крыльями все быстрее и быстрее, а я сжимала ему шею все крепче и крепче. Зато от волнения все мысли из головы выветрились. Перезагрузка началась… И тут мы взлетели!

Несколько взмахов мощных крыльев – и вот мы парим в потоке воздуха прямо над опушкой леса. Львы, барсы, тигры, пантеры, рыси и многие другие кошачьи, приехавшие после работы размять лапы, замерли, задрав головы вверх и глядя на нас.

Брендон, красавчик, кружил над ними ровно так, как я попросила. И теперь мне надо было собраться с духом и провернуть то, что сама задумала. Просто на ровной земле и рядом с аэромобилем я не сомневалась, что легко справлюсь. Но теперь, стоило мне чуть сдвинуться и опустить голову вниз, сразу дух перехватывало и я отчаянно вцеплялась в

химеру. Львы не созданы для полетов! Совсем не созданы!..

Но в конце концов я решилась. Приобнимая грифона за шею одной рукой, я принялась размахивать другой, выкрикивая что-то восторженно-радостное.

Слегка напрягшаяся толпа, уже заметившая меня и, похоже, обдумывавшая, добровольно ли я порхаю, находясь в своем уме, или меня захватили в заложники, облегченно выдохнула. Молодежь начала восторженно порыкивать, изредка встречающиеся представители псовых растявкались, накручивая круги по опушке.

А я, шалея от собственной храбрости, все же попыталась сесть, правда, несколько раз чуть не упала и Брендону приходилось наклоняться то в одну, то в другую сторону, а потом выравнивать полет. Мы уже успели пролететь над всем лесом, вернуться на опушку, сделать несколько кругов над зрителями, снова облететь весь лес… Я уже перезагрузилась несколько раз, по полной программе. Но продолжала упорно пытаться усесться, матерясь сквозь зубы, обмирая от страха и покрываясь холодным потом.

Наконец я сделала это! Мой счастливый вопль слышно было, наверное, даже в центре города! Мы вновь пролетели над всеми собравшимися на опушке зрителями и умчались в центр леса, где грифон приметил подходящую по размерам поляну. Там мы приземлились и сменили облик, оба. Теперь я стала ездовой львицей, а Брендон – лихим наездником. Условно лихим, потому что вначале он тоже вцепился мне

в шею удушающим захватом. Но освоился гораздо быстрее, чем я. Падать-то не с высоты полета…

– Ну вот. Надеюсь, нас успели заснять, – выдохнула я, когда мы, сперва подобравшись к границе леса, уже оба в человеческой ипостаси добежали до аэромобиля и устало плюхнулись на сиденья. – Ты был прекрасен! – Я повернулась и подбадривающе погладила Брендона по колену. Ощутив, как его буквально потряхивает от напряжения, я не стала сразу убирать руку, а продолжила сжимать пальцы, стараясь, чтобы в этом не было ни грамма сексуального подтекста.

Перезагрузка помогла мне не только временно выбросить из головы все, что мы успели выяснить по двум нашим нераскрытым делам, чтобы завтра взглянуть на них по-новому, свежим взглядом.

Я уловила основную причину, удерживающую меня от связи с Брендоном. Альтруизм, ответственность, гражданский долг – все это защитная фигня. Главное заключалось как раз в том, что для химеры секс ничего не значил. На моем месте могла оказаться абсолютно любая женщина, и Брендон так же спокойно предложил бы ей переспать. Он хотел не меня, а расплатиться со мной. И… хорошо, что чувство собственного достоинства не позволило мне совершить глупость и пойти на поводу у инстинктов.

Лучше отправлюсь в бар и сниму на ночь какого-нибудь молодого льва. Пусть ради ничего не значащего одноразового секса, но зато точно зная, что он выбрал именно меня.

Я не хочу, чтобы со мной спали от безысходности или из благодарности! Я – молодая, красивая, умная, сильная… и хочу быть желанной, а не просто удачно подвернувшейся заботливой ответственной дурочкой!

– Надеюсь, ты злишься не на меня, а на кого-то другого, – прервал мои размышления Брендон, накрыв мою руку своей ладонью. Странно, но мне от этого жеста стало спокойнее. Он ведь не виноват и ведет себя так, как привык. Старается отплатить добром за добро. Заботится, помогает с делом, как может. В общем, он хороший парень, но… мне нужен другой!

– Просто злюсь, – вывернулась я, уходя от честного ответа. – Домой?

– Ну, если ты не планируешь устроить такое же аэрошоу прямо над городом, можно и домой. – Брендон как-то странно улыбнулся, произнося последнее слово. Словно смакуя его на вкус. Ну да, до меня он жил в храме, и я не уверена, что это был тот дом, куда хотелось возвращаться.

Мое желание рвануть прямо сейчас в бар и снять там кого-то, чтобы не крутиться всю ночь в кровати, резко испарилось. Я улыбнулась и помотала головой:

– Нет, на сегодня с меня хватит! Нахваталась экстрима выше крыши, теперь спать хочу, очень.

– Давай я поведу? – Брендон, даже не дожидаясь моего согласия, одним щелчком переместил панель управления на свою половину. Самое интересное, что такая функция по-

явилась в аэромобилях совсем недавно. Раньше места четко были водительское и пассажирское, а теперь один щелчок – и власть поменялась. Правда, лично мне все еще было непривычно управлять, сидя с правой стороны. А химера, несмотря на его брюзжание об отсутствии опыта, справлялся вполне неплохо. Вел медленно, конечно, но мы и не опаздывали никуда. Зато я могла откинуться на сиденье, расслабиться и просто любоваться проплывающим под нами городом.

– Вот так летать я люблю, – усмехнулась я, отметив, что Брендон догадался включить навигатор и теперь уверенно пилотировал машину к дому, минуя вечерние пробки.

– Слушай, а этот лес у вас только для хищников? – поинтересовался химера, не отрывая взгляда от дороги. – Кролики, мышки, прочая мелкая живность там только обычная? Оборотней не встречается?

– Вряд ли какой-нибудь безумный кролик рискнет посетить этот лес, – хмыкнула я. – Все же в звериной ипостаси мы можем нечаянно и загрызть. – Подумав, я уточнила: – Нет, если успеет сменить облик на человеческий, то выживет, конечно. Только кому такой риск нужен? Это наш лес. В него даже псовые стараются забегать не слишком часто и в компании. У грызунов свои места для сборищ, тем более они и по городу могут спокойно бегать.

– А вам нельзя? – Брендон в это время поворачивал, аккуратно, стараясь разойтись с несущейся нам навстречу одноместной мобилкой. Такие модели очень любили курьеры.

И вот сейчас один такой взбесившийся курьер пер прямо на нас, упорно не желая ни сворачивать, ни подниматься или опускаться.

Я уже приготовилась перехватить управление, чтобы увернуться от психа. Однако Брендон сам не стал играть в игру «кто кого переупрямит». Буквально за полминуты до столкновения он спикировал, а потом резко развернулся, чтобы полюбоваться, как курьерская аэрошка влетит в защитную воздушную стену, огораживающую дома от подобных столкновений. Мощная отдача – и маленькая машинка летит вниз…

Я даже не успела понять, что происходит, как из резко распахнутой двери в небо взмыл огромный грифон и успел схватить мобиль когтями буквально за секунду до его падения на асфальт.

Отмерев, я потянулась к управлению и удивленно хмыкнула. Спасая чужую машину, Брендон не забыл обо мне, включив режим автопилота.

Спокойно приземлившись, я подошла к химере, уже стоявшему на земле в человеческой ипостаси и отчаянно пытающемуся открыть намертво заклинившую дверцу мелкого мобиля.

Народ в основном пролетал мимо, старательно делая вид, что ничего не видит. Но вскоре появилась патрульная служба, причем сразу вооруженная лазерной ножовкой. Значит, кто-то сообщил, что именно случилось и какого рода по-

мощь потребуется.

Я пересказала, что тут произошло. Пока двое крепких оборотней освобождали застрявшего парня, третий просмотрел запись с видеорегистратора на моем аэромобиле.

– Круто! – только это и смог уважительно-завистливо выдавить полицейский на кадрах, когда Брендон кинулся спасать машину, а вернее – ее водителя. – То есть вы и есть один из тех… из храма? Мы всем участком голосовали за то, чтобы обезьянам вломили как следует!

– Еще живой, – объявил в это время один из парочки, занятой выпиливанием по металлу, вытаскивая из машины бессознательное тело. Санитары из вызванной патрулем скорой тут же закинули несчастного на носилки, но я успела подбежать к врачу, предъявить ему жетон и потребовать подробностей.

– Точно ничего не могу сказать. У него нет ни переломов, ни вывихов. Возможно – сотрясение. Но, судя по косвенным признакам, он умирает от отравления. Яд вместе со снотворным, чтобы не дать вовремя обернуться.

– Ясно, спасибо.

Я уселась прямо на поребрик, отгораживающий дорогу от тротуара, и задумалась. Первым делом я угомонила параноидальные мысли, что все это подстроено. Предсказать наше появление конкретно здесь не смогла бы даже опытная гадалка на кошачьей мяте. Значит, парня приговорили, отравили и отправили имитировать гибель в аварии. Да чтоб тот

гад мышью подавился!..

– У него в машине рама какая-то, завернутая, – один из полицейских-освободителей решил почему-то сообщить эту новость мне, а не своему начальнику.

Пришлось встать, доползти до аэромобиля и заглянуть внутрь. В багажном отделении лежала завернутая в холст картина. Опять картина рядом с трупом. Совпадение?!

Крепко сжав зубы, я выпрямилась, выдохнула и только после этого от души выругалась. А потом набрала номер своего непосредственного начальника.

– Спите? – ехидно поинтересовалась я. – А я тут нам новое дело нашла!

Глава 25. Утро вечера мудренее

До кровати я добралась уже далеко за полночь, и это при том, что большинство дел привычно свалила на полицейских. И выяснить личность пострадавшего, и отследить путь движения его мобиля, и посадить охрану у его палаты, ожидая, выживет он или нет. Изначально собиралась отправить их же выяснять, что именно за картина в его машине и куда он ее вез, но любопытство победило, и я аккуратно распаковала холст.

Нет, конечно, я верю в совпадения. Изредка. Но не в такие же!

На картине была змея в окружении обезьян…

Так что пришлось искать номер организатора того самого благотворительного аукциона, в котором участвовал другой

любитель искусства, убитый Арман Зейсен. Созваниваться с господином Чёмитом, извиняясь и оправдываясь, объяснять ему ситуацию и потом ехать самой забирать вторую такую же картину.

– Очень вас прошу! Никому – ни дочери, ни вашему гостю, ни прислуге – ничего не рассказывайте, – я повторила это несколько раз, как можно убедительнее. И по мобильному, пока разговаривала с владельцем «Кёж Чёмита», и при встрече, когда забирала у него картину. На данный момент он был единственный, кто, по моему мнению, был вне подозрений. Для убийства зятя он мог нанять обычного киллера, для получения картины – просто купить ее. Зачем ему подставлять своего прямого конкурента, с которым он планирует заключить договор о сотрудничестве и разделе сфер влияния, я тоже не понимаю. На самом деле змей, то есть господин Магтан Джайгдеф, тоже был вне подозрений по тем же причинам. Ему тем более было невыгодно подставлять самого себя, картину легко можно было купить на аукционе, заплатив бóльшую сумму, а убийство Армана Зейсена поручить киллеру.

Где-то полдвенадцатого я была у эксперта, который тщательно сравнил обе картины.

– Здесь все ясно даже младенцу, – пафосно заявил он, глядя в основном на организатора аукциона, а не на меня, ничего не смыслящего в искусстве сотрудника полиции. И уж тем более не на Брендона, со скучающе-пренебрежительным

видом разглядывающего развешанные по всем стенам картины.

– Вот это работа мастера. – Эксперт махнул рукой на то полотно, которое было в машине курьера. – А вот это жалкая мазня, – с презрением указал он на холст, привезенный из дома Сагора Чёмита. – Кто-то тренировался, даже не пытаясь выдать это за оригинал. – Слишком тонкий для мужского, голос эксперта переливался и играл, как у подростка. Тогда как капризно-томные интонации четко указывали на завсегдатая специальных мужских клубов, посетители которых слишком заняты друг другом и не нуждаются в женском обществе. – Это же видно даже невооруженным глазом!

Я стоически отмолчалась, не вмешиваясь в разговор организатора аукциона со своим сотрудником. Затем поблагодарила этого усталого пожилого мужчину, с готовностью оказавшего нам посильную помощь и даже опознавшего второго пострадавшего, пока еще живого. Это оказался тоже его сотрудник. Курьер.

– Понимаете, у меня их всего трое, мы же не ресторан быстрой доставки, – пояснил он. – И в основном именно я с ними и работаю. Упаковываю картины и передаю им, из рук в руки. Так что знаю всех троих лично. Это честные, ответственные молодые люди! Они не могут быть замешаны ни в чем… таком…

Я согласно покивала, старательно пряча скепсис во взгляде. Никто никогда не верит, что кто-то из их близких, друзей

или родственников способен на грабеж или убийство.

Только на самом деле подсознательно мне казалось, что организатор аукциона прав, просто профессиональная паранойя и опыт не позволяли окончательно расслабиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.